

НЕ ЛЮБИ МЕНЯ ОСТОРОЖНО

1999-2007

КОНСТАНТИН
ЗАРУБИН

Константин Зарубин

**Не люби меня осторожно.
Рассказы и повести. 1999-2007**

«Издательские решения»

Зарубин К.

Не люби меня осторожно. Рассказы и повести. 1999-2007 /
К. Зарубин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-909406-3

Рассказы и фантастические повести, написанные в 1999—2007 годах. О
молодости, любви, России нулевых и о будущем, которого не случилось.

ISBN 978-5-44-909406-3

© Зарубин К.
© Издательские решения

Содержание

Вместе	6
Не люби меня осторожно	37
Говорим по-итальянски	40
Последний рассказ о любви	45
Жизнь прекрасна	52
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Не люби меня осторожно Рассказы и повести. 1999-2007

Константин Зарубин

Иллюстратор Наталья Ямщикова

© Константин Зарубин, 2018

© Наталья Ямщикова, иллюстрации, 2018

ISBN 978-5-4490-9406-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вместе

3

За три дня до ее смерти мы ездили к стоматологу. Можно даже сказать, что я возил ее туда. По крайней мере, внешне все выглядело именно так. Я сидел, вцепившись в руль, мелко дрожа и истекая холодным потом, и мне казалось, что ремень безопасности мечтает задушить меня. Недели за две до того я героически сдал экзамен на права – всего лишь со второго захода. Это было довольно опрометчиво с их стороны – выдать мне права. За рулём я всё ещё чувствовал себя скорее камикадзе, чем водителем. Ленка прекрасно это видела и предусмотрительно продолжала водить сама. Мои автомобильные вылазки на протяжении обеих недель ограничивались универсамом на соседней улице и кругом почёта вокруг нашего дома. Но в то субботнее утро я проснулся от нетерпеливых ударов в бок и спину и, повернувшись, увидел невыспавшееся лицо с раздутой щекой и бесконечным страданием в глазах. Ленка сказала, что эти глаза за ночь ни разу не сомкнулись, что зубной принимает с половины десятого и что машину в таком состоянии она вести не может. Автоматически отметив про себя, что я её люблю, я выполз из-под одеяла, и мы стали одеваться.

Ведение машины незначительно осложнялось тем, что Ленка развернула в свою сторону зеркало заднего вида и всю дорогу разглядывала свою увеличившуюся физиономию. Впрочем, я сразу же забыл о существовании этого зеркала. Я вошёл в маниакально сосредоточенное состояние и едва находил силы, чтобы улыбаться, когда Ленка ненадолго забывала о щеке и начинала ото всей своей большой души потешаться над моими водительскими действиями. Как ни странно, все обошлось без дорожно-транспортных происшествий. Только на последнем перекрёстке я слишком рано затормозил, и нас ощутимо стукнули в зад.

– Молодец, – сказала Ленка, когда я неуклюже припарковался в узком переулке позади поликлиники, вспугнув лохматого рыжего пса.

– Спасибо. Всё ради тебя. Хочешь – я стану гонщиком?

Ленка насмешливо посмотрела на меня сквозь зубную боль.

– Гонщиком тебе уже поздно. Можешь стать таксистом. Если выгонят с работы.

Ленка выудила из бардачка скомканную пачку печенья. Когда мы выбрались из машины, она бросила псу три оставшиеся печенюшки. Пёс торопливо проглотил угощение и боком отбежал в сторону.

– Взяла деньги?

Ленка провела ладонью по карману пиджака и кивнула. Она никогда не ходит с сумочкой, подумал я и почувствовал маленький прилив нелепой гордости – за то, что я привёз к стоматологу эту женщину, не любящую сумочки.

– Тебя подождать?

– У тебя терпения не хватит. Лучше возвращайся и досыпай.

– Я схожу куда-нибудь позавтракаю. Потом подойду. В каком ты будешь кабинете?

– В 213.

– В 213, значит. Ну, мужайся. Я и все боги с тобой. В районе левого уха.

Я успел коснуться губами ее здоровой щеки. Потом Ленка вздохнула, повернулась и побежала к дверям поликлиники, смешно склонив голову набок. Когда она запрыгала по ступенькам крыльца, я заметил, что у неё на ногах домашние шлёпанцы. В этот момент мне показалось, что я чувствую сверлящую зубную боль где-то внизу справа, в районе зуба мудрости, который мне вырвали восемь лет назад. Я непроизвольно схватился за скулу и присел на капот машины, с тоской подумав о бесчисленных часах своей жизни, проведённых в кабинете зубного врача.

Когда наваждение окончательно рассеялось, я включил сигнализацию и пошел завтракать. Начинался ещё один пасмурный июньский день. Порывистый ветер заставлял жмуриться и смотреть по сторонам. Было очень приятно идти и никуда не торопиться.

Через полчаса я сел в кожаное кресло напротив 213-го кабинета. Из-за двери доносилась программа радиопоздравлений, в которую время от времени вклинивалось жужжание бормашины.

Высокая полная женщина с огромной причёской и равнодушный сутулый врач провели мимо меня заплаканную девочку. Врач монотонно объяснял женщине, что два верхних подождают, а вот нижний нужно рвать обязательно. Я вспомнил тот единственный раз, когда я видел, как Ленка плачет. Она сидела на краешке дивана – наклонившись вперёд, молча и почти не моргая. Мы обычно никак не приветствовали друг друга, поэтому я просто взглянул на неё из прихожей, ничего не заметил, разулся и пошёл мыть руки. Потом я включил чайник, засунул в микроволновку три бутерброда, пощекотал сидящего в тазике хомяка, пошёл к Ленке, опустился на пол у её ног и увидел, как дрожат её плечи. Ленка посмотрела сквозь меня – расплывающимися глазами. Всхлипнула.

– Максим звонил, – сказала она. – Папа умер ночью.

Упирающуюся и противно кричащую девочку затолкали в кабинет с номером 210. Я откинулся на спинку кресла и закрыл глаза.

Через несколько секунд я вскрикнул и прижался правой щекой к плечу. Боль была прерывистой. Она появлялась на короткие промежутки времени. Ненадолго исчезала. Потом начинала дёргать снова. От неожиданности я весь съёжился и чуть не забрался на кресло с ногами. Я много раз испытывал эту боль раньше. Как бы ни старался врач сверлить безболезненно, рано или поздно обязательно приходилось жмуриться и терпеть.

Когда бормашина за дверью смолкла, я инстинктивно расслабился. Боль перестала возвращаться. Присевшая неподалёку мама заплаканной девочки с участием смотрела на меня. Мне стало неловко. Потом мне стало не по себе. Я опять попытался безмятежно развалиться в кресле, но клубок неожиданных ощущений не давал мне расслабиться. Приторное чувство физического комфорта, свойственное человеку, который недавно позавтракал и теперь сидит в мягком кресле и никуда не торопится, осталось нетронутым, но сверху на него навалилось напряжённое ожидание, приправленное безотчетным страхом. Мне казалось, что я ни в коем случае не должен двигаться. Я встал и попытался стряхнуть эти ощущения. Их просто не может быть, сказал я себе. Им неоткуда взяться. После того, как я потратил на лечение зубов больше денег, чем на покупку машины. Но даже если бы я их не лечил, этого всё равно не может быть. Так зубы могут болеть только в одном случае: если их сверлят. Без наркоза.

К своему небольшому облегчению, я быстро обнаружил, что избавиться от лишних ощущений не так уж трудно. Легче, чем подсказывал мне богатый опыт борьбы с ненужными переживаниями. Оказалось, что лёгким усилием воли лишние ощущения можно как бы отодвинуть в сторону. В стороне они уже не влияли на моё состояние. Я просто всё время знал об их присутствии, как будто из ощущений они превращались в навязчивые воспоминания, толкавшиеся у самой поверхности. Но стоило мне на несколько секунд сосредоточиться на них, и напряжённое ожидание постепенно выползло обратно, ведя за собой страх и нежелание двигаться.

Внезапно я понял, что жду – и побаиваюсь – повторного включения бормашины. Так, словно не Ленка, а я полулежал в обставленном плевательницами и лампами кресле по ту сторону двери. Нелепость этой мысли рассмешила меня. Я засмеялся довольно громко. В глазах женщины, откровенно наблюдавшей за мной всё это время, появилось недоумение. Наверное, я достиг стадии великой любви, о которой так много писали, снимали и пели, хихикнул я про себя. Буду видеть её глазами, слышать её ушами, нюхать её носом. Сердца колотятся в унисон, и дальше по тексту. Бывает же такое. Впрочем, я всю жизнь страдал от чрезмерной впечатли-

тельности и избыточного воображения. Можно будет развеселить Ленку этой историей, когда она выйдет. Она всё равно не поверит.

Размышляя таким образом, я заметил, что правая сторона моей нижней челюсти потеряла чувствительность и превратилась в посторонний объект, непонятно как попавший мне в рот. За дверью снова заверещала бормашина, но я не почувствовал никакой боли. Только возню. Он сделал ей укол, бесстрастно сообразил я.

Но страсти не заставили себя ждать. В следующую секунду у меня возникло желание ворваться в кабинет и что-нибудь крикнуть. Еле удержавшись, я прогнал несуществующий наркоз из своего рта и побежал к окну в дальнем конце коридора. Женщина что-то крикнула мне вслед. Должно быть, она подумала, что я обезумел от боли и решил выброситься.

Окно было открыто. Я опёрся о подоконник и выглянул наружу. Шёл неторопливый дождь. Прохладный влажный воздух действовал успокаивающе. Я высунулся дальше и почувствовал тяжёлые редкие капли на своём лице. Двумя этажами выше они барабанили по жестяной крыше поликлиники. Внизу, прямо напротив окна, промокал наш мрачно-бордовый «Опель».

Я закрыл глаза и попытался ни о чём не думать. Ощущения, стоявшие в стороне, восприняли это как сигнал к действию. Не больше чем через полминуты я был почти уверен, что нахожусь в стоматологическом кресле и мою нижнюю челюсть активно сверлят и ковыряют под местным наркозом. Такой была общая картина. При желании я мог различать детали; нужно было всего лишь привязать внимание к какой-нибудь одной части тела. Мне мерещилось, что мои руки не опираются ни на какой подоконник, а лежат на мягких подлокотниках, сжатые в кулаки и непривычно лёгкие; что на мои ноги, с которых в одночасье испарились кроссовки, никак не давит вес моего тела; что моя голова, неестественно запрокинутая, уже устала упираться в угловатую подставку и мне ужасно хочется хорошенько ею встряхнуть, но сделать это, по понятным причинам, невозможно. Ещё минуту спустя мне стало казаться, что красноватая тьма перед моими закрытыми глазами медленно светлеет и в ней уже можно разглядеть яркий источник света и массивную тёмную фигуру, склонившуюся надо мной. Отдалённый звук бормашины приблизился. Когда он внезапно оборвался, я отчётливо услышал жизнерадостный советский хит шестидесятых годов, вероятно, заказанный любящими детьми и внуками для дорогой бабушки.

Я открыл глаза.

Газеты любят писать о том, как однояйцевые близнецы при помощи неизвестного науке способа коммуникации мгновенно узнают о состоянии здоровья своих братьев и сестёр, которые – ну надо же! – обитают в других городах или даже на отдалённых континентах. Если один из близнецов валится с лестницы и разбивает себе коленную чашечку, другой в этот же самый момент начинает вопить и хватается за ногу. Очень занимательные истории. Но мы с Ленкой не были близнецами. Скорее совсем наоборот. Мне не очень приятно об этом говорить, но процентов восемьдесят нашего совместного времени мы были чужими людьми. В одной жизни мы очутились благодаря моей настырности и не слишком счастливому стечению обстоятельств.

Мы прожили вместе чуть больше года, если вести отсчёт с того дня или, вернее, с той ночи, когда Ленка приехала ко мне в половине второго. Она несла в руках недовольно сопевшую во сне Лесю и прилагавшийся к Лесе комплект постельного белья, завёрнутый в газету. Открыв дверь и увидев их на площадке, я секунд пять бессловесно моргал и мямлил в руке лист, за переводом которого меня застал звонок. Потом я спохватился и отступил в сторону. Можно? спросила Ленка, боком заходя мимо меня в прихожую. Я усмехнулся. Не закрывай дверь, пожалуйста, сказала Ленка. Мне надо отогнать машину на стоянку. Извини, что я так вот вдруг. Когда мечты исполняются, они не просят прощения, сказал я – фразу, которую придумал десять лет назад. Сознание того, что эта фраза наконец-то мне пригодилась, наполнило меня ребяческим восторгом. Помедлив одно мгновение, Ленка вскользя поцеловала меня, по-

хозяйски огляделась и положила Лесю на маленький старый диван в первой комнате. Пока она отгоняла машину, я несколько раз переложил Лесю с места на место; потом я всё-таки сообразил расстелить диван и в меру способностей придал ему вид детской кроватки. Леся, унаследовавшая от мамы талант спать при любых обстоятельствах, так и не проснулась. Даже когда я стаскивал с неё ботинки и комбинезон. Потом прибежала Ленка. Несколькими профессиональными движениями она довершила раздевание своего чада, закутала его в одеяло и коротко шепнула ему что-то на ушко. В морозилке лежат пельмени, если ты хочешь есть, прошептал я. Можешь не шептать, сказала Ленка. С удовольствием, сказал я и осторожно прикрыл дверь в комнату.

У тебя срочный перевод? спросила Ленка. Нет, соврал я. Время терпит. Что-нибудь нехорошее случилось? Ленка покачала головой. Ничего страшного. Я была у родителей. Сегодня же Пасха, если ты помнишь. Уже вчера, сказал я. Ну да, уже вчера. Ленка рассеянно посмотрела на китайский будильник, пригвождённый к стене над газовой плитой. Как родители? спросил я. Ничего, ответила Ленка после долгой паузы. Закормили Лесю шоколадками. У неё диатез, кажется. Поэтому ты решила её увезти? Чтобы спасти от шоколадок? Неа, протянула Ленка, разлепляя пельмени. Она просто очень просила, чтобы я её с собой взяла. И потом... Что потом? невольно заёрзал я. Ленка начала по одному забрасывать пельмени в булькающую воду. Морщинки на её лбу напряглись. Я хочу продать квартиру, сказала она и непонятно посмотрела на меня. Я изобразил на лице понимание.

Ты не приглашал меня, зачем-то сказала Ленка. В письменном виде – не приглашал, подтвердил я.

Из всех её знакомых я был меньше всего, а точнее никак не связан с её прошлым, которое скорострительно закончилось с гибелью мужа. Я был очень-очень давно и неправда, в совсем другой жизни; потом исчез на двенадцать лет (никто не заметил моего отсутствия); потом случайно вынырнул в её третьей жизни. Совсем как новенький, хотя и не первой свежести. Это было моей главной и почти единственной зацепкой.

– Костя! – позвала Ленка с другого конца коридора.

– Ура, – отозвался я. – Поздравляю!

Из её взгляда я попытался понять, был ли фокус с ощущениями двусторонним. Но взгляд Ленки не выражал ничего, кроме облегчения. Это было очень приятное чувство, и я позволил ему хозяйничать во мне.

Наркоз, разумеется, ещё не начинал отходить.

– Ну как, скоро ты начнёшь сдуваться?

– Если все будет хорошо – к завтрашнему дню сдуюсь.

Она улыбнулась. Я ощутил всплеск теплых чувств к самому себе. Настолько явственно, что меня стало подташнивать.

Спускаясь вслед за Ленкой на первый этаж, я изо всех сил уцепился за себя. На коже остались две фиолетовые вмятины. Ленка никак не отреагировала на это. Я прикусил губу. Потом стукнул щиколотку о перила.

– Чего тебя там заносит? – поинтересовалась Ленка, не оборачиваясь.

Похоже, обратная связь отсутствовала. Ленка работала передатчиком, а я – приёмником. Рассказать? Не рассказать?

На улице продолжался дождь. Мы обошли поликлинику вдоль самой стены, подбежали к машине и в нерешительности застыли под дождём.

– Я не поведу, – заявила Ленка. – Ля-ля-ля, ля-ля-ля.

Она сделала вид, что затирает что-то ногой на мокром асфальте.

– Боюсь, что никто не поведёт, – похоронно отозвался я. – Дворники лежат на полочке в прихожей.

Сейчас она засмеётся, успел подумать я прежде, чем она засмеялась. Во время смеха её расположение ко мне стало невыносимым, и мне пришлось его отодвинуть. Интересно, рехнусь ли я в ближайшее время. Может, рассказать, пока не рехнулся?

– Ты когда-нибудь сможешь мне объяснить, зачем ты вечно таскаешь дворники домой? – спросила Ленка, всё ещё смеясь.

– Ты хочешь в туалет.

Я не знаю, зачем мне понадобилось это говорить.

– Что, неужели так заметно?...

Ей было неприятно. Мне было неприятно вдвойне. Поделился информацией. Нашёл, с чего начать.

С другой стороны, не каждый день приходится так остро чувствовать, что мочевого пузыря ближнего твоего переполнен. Может, всё-таки рассказать, раз уж начал?

– Не, не очень заметно. Может, я тебя хорошо знаю?...

– Серьёзно, что ли? – Ленка насмешливо оглядела меня. Её волосы постепенно превращались в сосульки. Сосредоточившись, я почувствовал их влажные прикосновения на своём или, точнее говоря, на её лице. – Значит, наша машина пока никуда не едет...

– Я посижу подумаю, что нам предпринять, – сказал я, садясь в машину.

Она побежала сквозь частые капли; она промочила ноги, пробежавшись в шлёпанцах по свежей луже; она то и дело осторожно трогала языком всё ещё бесчувственную челюсть; ей сильно хотелось в туалет; она была без бюстгальтера, и её грудь резко подпрыгивала на каждом шагу (совершенно дикое ощущение); струйка стекающей с крыши воды попала ей за шиворот и заставила вздрогнуть; дверь поликлиники открывалась туго; её мокрые ноги побежали вверх по ступенькам – туалет находился на втором этаже...

Я бешено затряс головой. Когда голова заболела, я положил её на руль и затянул первую пришедшую на ум песню. Даже у близнецов такого, кажется, не бывает. К тому же, они все однополые. Есть, конечно, ещё близнецы-транссексуалы, о них тоже любят писать в газетах, но при чём здесь они. При чём здесь вообще близнецы. Какое отношение они имеют к нам с Ленкой?

Полтора года назад, в прошлом январе, я снова встретил её. Сначала Ленка стала спать со мной, потому что я упрямо, но не слишком назойливо старался существовать рядом и потому что среди её друзей меня никто не знал. Потом она захотела избавиться от потерявшей смысл квартиры и приехала ко мне. Потому что все остальные стали бы утешать её и, может, даже уговаривали бы не продавать квартиру.

Ленка знала наверняка, что я этого делать не буду. Это было бы не в моих интересах. Я не нуждался в её прошлом. Её прошлое отлично обошлось без меня. Оно могло бы обходиться без меня и дальше – вплоть до самого далёкого будущего, в котором собираются угрюмые родственники и под аккомпанемент рыданий задвигается крышка, – если бы Ленкин второй муж в один ноябрьский вечер не оказался на стадионе в Нижнем Новгороде. Половину первого тайма он с друзьями пил пиво, громко кричал и общался по телефону с женой. Потом всё загремело, взлетело и обвалилось. Я много раз видел этот момент по телевизору. Организаторами взрыва могли быть спецслужбы. Или исламские террористы. Или и те, и другие. Для Ленки это не имело никакого значения. Имело значение только то, что далёкое будущее вдруг стало настоящим, и угрюмые родственники съехались со всех концов страны, потому что Ленкин муж был не только хорошим, но и, как это ни странно, состоятельным человеком. После себя он оставил трёхлетнюю дочь, квартиру в Москве, две квартиры в Санкт-Петербурге и легковые автомобили, общее количество которых мне так и не удалось установить, поскольку за время, прошедшее со дня смерти мужа до нашего повторного знакомства, Ленка распродала их среди угрюмых родственников и друзей – по условным ценам. С двумя квартирами Ленка

поступила так же – с той лишь разницей, что покупатели не были родственниками и цена была всамделишной.

Последняя квартира была продана уже при мне. С моей эгоистической точки зрения, это произошло очень своевременно.

Я помню, когда в последний раз видел Ленку в той жизни, которая оказалась одной из первых. За четыре дня до защиты я носился по университету с почти готовым дипломом, разыскивая своего научного руководителя и пытаюсь выяснить, кто же будет моим рецензентом. Ленка стояла у расписания сессии второго курса, держа в руках стопку учебников, болтая с подругами и не замечая меня, регулярно пробежавшего мимо. Потом, в прошлом январе, она стояла в Доме книги и выбирала детские книжки с картинками.

Прождав достаточное количество времени, в Доме книги можно встретить кого угодно. Я в очередной раз в этом убедился. Я подождал двенадцать лет и встретил там Ленку.

Простите, сказал я. Вы, случаем, не ищете «Незнайку на Луне»? Нет, сказала Ленка, мельком взглянув на меня. А что? Да я, вот, купил его своей племяннице на день окончания детского сада, а у неё, как выяснилось, уже есть вся серия. В бархатном переплёте с серебряными застёжками. Вот, теперь не знаю, куда девать. Мечусь полгода, как неприкаянный. Не хотите взять? Как подарок для вашего ребёнка? И я показал ей огромный красочный том с сантиметровыми буквами, приобретённый мною минуту назад. Ленка смущённо улыбнулась. Нет, спасибо. У меня ребёнок ещё слишком маленький для таких умных книжек. Ну, возьмите на вырост, предложил я. Ленка ещё раз внимательно посмотрела на моё лицо и задумалась. А мы... начала она. Да, закивал я. Мы уже давно.

Мы уже давно не виделись.

Потом мы вместе пообедали в блинной. Потом мы забрали Лесю из детского сада. Через несколько дней мы сводили Лесю на выставку интерактивной мультипликации. Потом я стал ходить к ним в гости, на пределе своих возможностей играя роль спокойного и уверенного в себе мужчины с милым чувством юмора. Через месяц я окончательно отделил себя от женщины, имя которой я хорошо помню, но оно не имеет значения. Потом наступил март и Ленкин день рождения, и я подарил ей кучу цветов и делал другие вещи, банальные и предположительно прекрасные. Утром яковылял на работу – невыспавшийся и счастливый. Накануне апреля, разглядывая при свете ночника ничего не выражающее выражение на её спящем лице, я боязливо подумал, что моя судьба всё-таки состоялась. Я встал и бесцельно прошёлся по комнате. В полумраке наши тела казались такими же, как двенадцать лет назад. У меня кружилась голова. Глазам было влажно и горячо.

– Ну, что-нибудь придумал? – спросила Ленка, садясь рядом со мной.

Я оторвал своё ухо от руля. Ленке было немного зябко, и она не имела никаких чувств на мой счёт. Я показался себе пустым местом. Когда мне было одиннадцать лет, я и вся наша дачная компания собрались переночевать вместе в доме одного из ребят. Его родители уехали в город на пару дней. Мы играли в карты, стояли на ушах и варили макароны в чайнике. В разгар веселья пришла вечерняя проверка – чья-то бабушка. Уехавшие родители попросили её присмотреть за сыном. Все мгновенно попрятались в шкафы и под кровати. Я замешкался и успел только скрючиться под столом. Там меня смогли увидеть даже подслеповатые глаза бабушки. Бабушка строго отчитала меня и послала домой. Я знал, что я вернусь, но какое-то время мне пришлось стоять в кустах смородины и ждать отбытия проверки. Детям свойственно перестраховываться, когда не надо, и я довольно долго глядел из темноты на жёлтые окна. Ребята вылезали из шкафов и продолжали веселиться. Я показался себе пустым местом. По-детски боясь в самом деле куда-нибудь исчезнуть, я бросился бежать сквозь осыпанные росой кусты и колотил в окно обеими руками, пока мне не открыли.

– У меня есть один неплохой план, – сказал я, подгоняемый желанием колотиться в окно. – Давай сидеть в машине и целоваться.

– Очень бережно и осторожно, – Ленка смотрела на размытую поликлинику за лобовым стеклом.

– Очень бережно и осторожно, – подтвердил я.

– А потом? – спросила Ленка.

Потом – минут через пятнадцать – кончился дождь. Ленка дала мне носовой платок, чтобы я вытер стекло.

– Хорошо бы солнца не было все выходные, – сказала она. – Мама с Леськой гуляли бы весь день. Сегодня и завтра.

Её возбуждение было спокойней и слабее моего. Оно стихло немного позже, и я смог его заметить. Сгорая от извечного любопытства, я попытался поглубже забраться в Ленкины ощущения. Моя рука с носовым платком замерла на середине лобового стекла. Так вот как это происходит. Я посмотрел на свою руку. Она дрожала вместе со всем остальным телом. Сколько раз я хотел оказаться на месте женщины. Сколько раз я смотрел на женщину – и её жизнь казалась мне бесконечно полноценней моего неловкого существования, кое-как склеенного из случайных кусков. Сколько раз я понимал, что всё это ерунда. То есть, всё, кроме самого главного.

На обратном пути я вёл машину, совершенно не задумываясь о том, что я нехороший водитель. Ленка хотела есть. Когда я уже поворачивал во двор, она сказала, что мы ведь не хотим домой, правда? Вместе мы пришли к выводу, что дома нам делать абсолютно нечего. Ленка купила литровый пакет йогурта, я сбегал домой за дворниками, и мы поехали к её маме в Валкярви.

– Эта поездка сделает из тебя человека, – объявила Ленка. – Если мы не разобьёмся.

Радио заверило нас, что солнце не выглянет до второй половины воскресенья. За Невой поток машин, стремившихся прочь из города, приобрёл умопомрачительные размеры. Мы пересекли кольцевую не раньше двух и ещё долго ползли по шоссе в плотном окружении других машин. Как быстро всё встало с ног на голову, подумал я. Как будто мы всю жизнь боялись солнца.

Наркоз отошёл, и ноющая боль время от времени заставляла Ленку морщиться. С трудом, но мне удавалось не морщиться вместе с ней. Мы беззаботно и неспешно переговаривались, вспоминая мелочи прошедшей недели. После каждого предложения меня подмывало рассказать Ленке, что её нервная система каким-то необъяснимым образом подключилась к моей. Я никак не мог придумать, с чего начать.

В двадцати километрах от Валкярви, когда я, путаясь в передачах, преодолевал небольшой подъём, у нас кончился газ. Мы медленно покатались назад; потом, после Ленкиной подсказки, я всё-таки включил ручной тормоз. Минут пять мы хохотали, обмениваясь не очень членораздельными репликами. Наконец Ленка сумела спросить, куда я смотрел.

– На дорогу, разумеется, – ответил я.

Мы встали рядом с застывшей посреди дороги машиной. Нас обогнули два трактора и несколько грузовиков. Из кабин виднелись недобрые лица водителей. Кто-то даже неразборчиво выругался в окошко. Минуты через три показался первый легковой автомобиль – прошлогонная модель БМВ, сюжет о которой я видел в новостях.

– Этого нет смысла тормозить, – я опустил руку. – Он на воде работает. Или на воздухе. Кто его знает.

Тем не менее, тёмно-зелёное чудо техники притормозило рядом с нами. Из окошка высунилось улыбающееся лицо в тёмных очках. Я почувствовал немедленную симпатию к водителю и какое-то время не мог решить, чья это симпатия – моя или Ленкина.

– Добрый день. У нас газ кончился. У вас не найдётся лишнего баллона? – Ленка улыбнулась так широко, насколько ей позволяла боль.

Водитель задумчиво покачал головой.

– Вы в Прилучье? – спросил он.

– Чуть подальше. В Валкьярви.

– Ага. Значит так. Газа у меня нету, это увы. Давайте я вас подцеплю на трос. А то вам стоять на дороге, это точно. Газа тут не дождёшься.

Он достал трос. Я прицепил трос к нашей машине и сел за руль. Ленка села в БМВ, чтобы показать дорогу после того, как мы приедем в Валкьярви.

Было очень приятно крутить руль и жать на тормоза, не заботясь ни о каких передачах. Шуршание колёс радовало уши. Снова начал накрапывать дождь. Ленкина боль немножко ослабла. У неё было приподнятое настроение. Такое настроение обязательно приходит, если ты в хороших отношениях с мамой и едешь к ней в гости. Наверное, встреча с Лесей тоже радовала Ленку. Она отвезла Лесю в Валкьярви ещё в конце мая, и с тех пор они общались только по телефону. Я попробовал разобраться в Ленкиных ощущениях подробней, но, похоже, для этого нужно было закрыть глаза. Я не стал рисковать. Мне только казалось, что я слышу хриплый голос водителя БМВ, без умолку говорящий слова.

После Прилучья дождь усилился, и мне пришлось чаще включать дворники. У отсутствия солнца есть и неудобная сторона, подумал я, вспоминая бесконечные ряды машин, спешившие уехать из города. Не очень весело устраивать пикники под дождём.

Ленкино беспокойство, которое начало забираться в меня с какого-то недавнего момента, внезапно переросло в страх. БМВ остановилась, не подав мне сигнала. Я нажал на тормоз. Водитель БМВ вышел из машины и сделал пару неуверенных шагов вперёд по дороге. Несколько секунд спустя Ленка открыла дверь, посмотрела в мою сторону и махнула рукой.

– Иди сюда! – услышал я.

Она не стала выходить из машины. Её страх приобрёл лёгкий оттенок отвращения.

Я подошёл к ней.

– Что такое?

Ещё до того, как она кивком указала на дорогу, я увидел человеческую фигуру, распластанную на асфальте. Машина не доехала до неё метров пять. Пройдя эти метры, я встал рядом с водителем БМВ. Перед нами, лицом вниз, лежал мужчина с седеющими чёрными волосами. Вокруг его туловища, одетого в потемневшую от дождя голубую рубашку, расплылось чёрное пятно; руки и ноги в джинсовых шортах раскинулись, как на рисунке Леонардо да Винчи. Пальцы были растопырены неестественно ровно, словно кто-то их старательно расправил.

Мимо проехали два финских автобуса. Пожилые пассажиры с любопытством рассмотрели нас.

– Труп, – сказал водитель БМВ, засовывая в карман свои очки. – Ну ни хрена себе. И давно он уже?...

Я присел на корточки. Лицо мёртвого было впечатано в асфальт.

– Не трогай его.

Я покачал головой.

– И все прут мимо, как на зелёный, – возмутился водитель, проводив взглядом очередной грузовик. – Надо было тоже объехать... Твоя Елена настояла. Тебя как зовут? Меня – Лев.

– Константин.

Мы обменялись рукопожатием.

– Слушай, Константин, – сказал Лев голосом главы областной администрации. – Мне очень неохота тратить время на ментов и их заботы. Но делать нечего. Правильно я говорю? Давай делать так. Я отвезу Елену в Валкьярви, к маме, потом оповещаю нашу доблестную милицию и еду с ними сюда. Ну, и баллон попробую раздобыть, это надо. А ты пока подождёшь здесь, у машины. Разъяснишь картину, если кто заинтересуется. Опять же, если менты подъедут. Правильно я говорю? Так и девушку мучить не придётся. Согласен со мной?

На вид Льву было под пятьдесят. Через его ремень переваливался объёмный пивной живот.

– Хорошо, – сказал я. – Я согласен.

Ленке уже совсем не было страшно; только противно. Я переговорил с ней.

– Поезжай с ним. Скажи маме, что у нас сломалась машина и я остался её сторожить.

– Нет. Я не поеду. Подождём вместе.

И она осталась – из чувства долга. Из других чувств я обнаружил у неё усталость и всё столь же сильную неприязнь к трупу.

Когда пузатый Лев уехал в Валкьярви – сдерживать или не сдерживать своё благородное обещание – мы сели в машину. Я успел ощутимо промокнуть, разглядывая труп. На заднем сиденье валялась скомканная пижама, в которую мы что-то заворачивали на прошлой неделе. Я снял рубашку и надел пижаму.

– Смешно, – сказала Ленка, поправив мне воротник. – Знаешь, я не уверена, что в Валкьярви часто бывает милиция. Он мог бы вернуться в Прилучье – с таким же успехом.

– Ну что ж. Значит, доберётся до Выборга.

– Он забьёт скорее.

– Это очень может быть. Он не похож на лучшего друга милиции.

– ... Дураки мы какие-то. Можно было просто позвонить.

– Да.

Трактора, грузовики, автобусы и мотоциклы продолжали проезжать мимо, не останавливаясь. Некоторое время мы с Ленкой лениво строили предположения по поводу трупа. Мы придумали несколько криминальных историй; потом Ленку стало клонить в сон.

– Будешь спать?... – спросил я.

– Нет... С чего ты взял?... Хотя... – она зевнула (точнее, мы зевнули одновременно). – Надо поспать, ты прав.

Ленка повернулась ко мне, подложила руки под голову и закрыла глаза.

– Разбуди меня, когда найдут убийцу.

Когда она заснула, я очутился в плохо описуемом состоянии. Внутри меня, неизвестно где, образовалась непроницаемая область, которая постепенно разрасталась. Я без труда одолел сонливость, но бесформенное облако покоя и умиротворения не отодвигалось. Я чувствовал, как оно размягчает мои мышцы и напускает в мысли лёгкий туман. Перед глазами засуетились яркие картинки. Они мгновенно теряли чёткость, как только я предпринимал попытку их рассмотреть. Если сейчас начнётся просмотр Ленкиных снов, то как-то не очень красиво получится, неуверенно подумал я.

Чуть позже я понял, что картинки перед моими глазами больше похожи не на чужие сны, а на иллюстрации к моим собственным мыслям, трёхмерные и движущиеся. Я подумал о Ленке, и передо мной с головокружительной скоростью пронеслась целая галерея её портретов, выдернутых из памяти. Потом я вспомнил вчерашний день на работе и увидел бегущие строчки на экране компьютера; потом улыбающееся лицо нигерийца по имени Майкл, с которым я пил кофе во время обеденного перерыва. Иллюстрированные мысли начали мне нравиться. С минуту (а может быть, намного дольше) я перелистывал своё прошлое, отыскивая самые живописные страницы. В конце концов я увидел дорогу на Валкьярви, но только с другой стороны – от Выборга. На дороге была сероватая ночь. В ночи, чуть впереди меня, шёл Князь. Один из моих институтских друзей.

Картинка тринадцатилетней давности.

Мне стало совсем весело. Тринадцать лет назад я познакомился с Ленкой в первый раз. Образ Князя, бредущего с огромной пустой сумкой по ночному шоссе, был одним из последствий этого знакомства. Ещё одним последствием была моя жизнь – вплоть до текущего момента.

В то достопримечательное время, познакомившее нас, мне было 20 лет и мысли в моей голове заметно отличались от нынешних. Они умели казаться мне единственно верными – особенно когда убегали с поверхности и становились тем, что люди называют интуицией и здравым смыслом.

В то время я панически боялся пошлости, как я её себе представлял. Пошлость мерещилась мне в большинстве стандартных человеческих поступков – особенно если эти поступки совершались не мной. Я был по уши переполнен желанием отличаться от этих пошлых, безвкусных и однобоких людей, которых, если верить моим тогдашним мыслям, вокруг было абсолютное большинство. Ещё я ненавидел казаться нелепым, если не планировал этого заранее. Поэтому я очень часто планировал это заранее. У меня неплохо получалось.

Наконец, в то время я автоматически переносил свои утончённые представления о пошлости в головы девушек, которые мне нравились. Им будет скучно и противно, если я буду вести себя, как нормальный человек, думал я и втихомолку верил, что магистраль к сердцу девушки лежит прямоком через неадекватное поведение. Мой мозг был непрерывно занят изобретением неадекватного поведения. Изобретения я воплощал в жизнь. И тогда девушкам действительно становилось скучно, хотя и не всегда противно.

После ряда предпринятых мною глупостей, адресатом которых была Ленка, я в очередной раз убедился, что моя система воздействия на девушек основана на ложных предпосылках и в целом фигня. Однако неприязнь к пошлости (и приязнь к Ленке) вновь оказались сильнее рассудка. Ленка жила в Валкьярви. Время между экзаменами она обычно проводила дома. Валкьярви – не Гатчина. Сначала нужно два с половиной часа ехать на электричке до Выборга, потом неизвестное количество времени провести в ожидании рядом с гостиницей «Дружба» и ещё двадцать пять минут сотрясаться в списанном норвежском автобусе (кажется, они до сих пор там ходят; или, может, норвежцы списали новую партию?). Получается целое маленькое путешествие, понял я, посмотрев на карту, и предложил Князю пойти в поход в Валкьярви. Какой же это поход, фыркнул Князь, одни автобусы и электрички. А мы поедем на последней электричке и пойдём от Выборга пешком, сказал я. Ночью. Искупаемся в озере. Там озеро есть. На финнов посмотрим утром. Там какая-то финская церковь и кладбище, и ещё что-то очень старое и очень финское. Колыбель финской нации. Финнов там иногда больше, чем местных жителей.

Для них даже базу специальную построили. Поговоришь с ним по-фински.

Всю эту информацию мне как-то рассказала Ленка. В её голосе проскальзывали нотки гордости. Она, кажется, питала неподдельно тёплые чувства к своей малой родине. Я даже позабавился ей.

Князь усмехнулся и согласился. Я выпросил у Ленки её адрес – не объясняя, зачем он мне нужен. Через несколько дней мы с Князем вышли из электрички в Выборге и, спросив у прохожих, как пройти в Валкьярви, пошлёпали по обочине шоссе. Была условная июньская ночь, очень спокойная и красивая. Километровые столбики вдоль дороги периодически напоминали, что расстояние до Ленки неуклонно сокращается. После восьмого столбика впереди показалось озеро. Дорога раздваивалась и продолжалась по разным берегам.

Нам налево, заявил я озадаченному и не разделявшему моего энтузиазма Князю. Вот и столбики туда ведут. Нам точно налево. Я по карте помню. Князь не стал возражать, и мы пошли по левому берегу озера – вытянутого на 15 километров. Валкьярви должно было встретиться нам где-то в середине этих километров.

Девятый столбик оказался последним. За ним расстояние стало немаркированным и субъективным. Мне казалось, что мы идём медленно и до Валкьярви ещё далеко. Князь считал, что мы прошли уже больше, чем до озера, и промахнулись. Вскоре он начал постанывать и в каждой из многочисленных деревень, которые мы проходили, порывался лечь на автобусную остановку и умереть. Я поднимал его, тряс, произносил речи, и мы шли дальше.

В конце концов, в шесть часов утра, обогнув озеро, мы пришли в Прилучье. До Валкьярви оставалось три километра. Князь рассыпался на остановке. Я тоже немножко устал. Доев купленное в Выборге печенье, я остановил попутку, погрузил в неё Князя, и через три минуты мы были в Валкьярви.

Валкьярви встретило нас карканьем бесчисленных ворон. Настало утро и время задуматься, зачем, собственно говоря, я сюда пришёл. Пока мы искали Ленкин дом и рассматривали местные финские достопримечательности, идея зайти к Ленке в гости сделалась в моих глазах совершенно дикой. Я представил: какая-нибудь не имеющая для меня смысла девушка приезжает в мой родной город и навязывает мне своё общество. Какой кошмар. Нет, никаких гостей.

Я сочинил записку («Лена! Я приходил посмотреть на Валкьярви, раз уж ты тут живёшь. Мне понравилось, только очень много ворон. Надеюсь увидеть тебя на следующей неделе. Костя») и сунул её в дверь Ленкиной квартиры. Несколько минут я постоял у её дома, с удушливой пустотой в груди сознавая, что она здесь: спит, живёт, росла, ходила в школу, слушала ворон, на смеси школьного английского и жестов общалась с финнами, болела гриппом, первый раз влюбилась, купалась в озере и в данный момент находится в нескольких метрах от меня, но я совершенно ни при чём и всегда буду ни при чём.

На девятичасовом автобусе мы с Князем вернулись в Выборг.

Одна из лучших ночей в моей жизни.

Обнаружив, что мои глаза закрылись, я открыл их. Из глубины своего сомнамбулического состояния я увидел, что рядом с трупом появилась ещё одна размытая фигура. Фигура понемногу шевелилась. Я скинул пижаму, надел мокрую рубашку и вылез из машины.

Рядом с головой трупа стояла промокшая женщина в оранжевой ветровке. Она стояла на коленях, склонившись над мёртвым, и её слипшиеся длинные волосы почти касались его затылка. Я подошёл. Сначала женщина не обратила на меня внимания; она что-то шептала и, придерживая за кисть левую руку мёртвого, гладила и поправляла его растопыренные пальцы.

Машины продолжали время от времени проезжать мимо, безропотно огибая нас.

Внезапно женщина посмотрела на меня и сказала несколько фраз на языке, который я определил как финский. Глаза на её загорелом суховатом лице смеялись. Если бы она была русской, я дал бы ей лет 45.

– Миня... эн пуху суомеа, – кое-как вспомнил я.

Женщина понимающе закивала, заулыбалась и произнесла ещё несколько слов.

– ...förstår du mig? – неожиданно разобрал я и опрометчиво кивнул. Лицо женщины просияло. – Förstår du mig? Kan du svenska?... (непонятно непонятно непонятно) ... han kan inte gå... (непонятно непонятно) ...skulle du vara så snäll och hjälpa mig... (непонятно)

Всё больше оживляясь и не переставая улыбаться, она опустила руку мёртвого и несколько раз показала на нашу машину.

– Do you speak English? – взмолился я.

Женщина замотала головой.

– Very bad, – радостно сказала она. – Very little. My man speak, – она ласково погладила затылок мёртвого, – my man speak very good. He speak English and French. I don't speak. Help my man please. Vi måste go home. Kan du svenska?... (непонятно непонятно)

Я вернулся к машине и разбудил Ленку. Что-то неуловимо изменилось, когда она вздрогнула и разлепили глаза.

– Смотри. Это его жена. Шведка. Совершенно безумная. Улыбается и даже не говорит по-английски. Поговори с ней. У меня плохо получается.

Ленка выскочила из машины, подбежала к женщине и спросила что-то по-шведски. Женщина поднялась с колен и разразилась новым потоком слов и улыбок. Ленка напряглась, стара-

ясь понять каждое слово. Она больше трёх лет прожила в Гётеборге, но это было ещё до рождения Леси. Патристически настроенный муж хотел, чтобы его дети рождались и росли в России.

Оборвав монолог женщины, Ленка задала ещё один длинный вопрос. Женщина ответила. Её ответ неприятно поразил Ленку. Она непроизвольно сделала шаг назад и поднесла руки ко рту. Женщина снова склонилась над мёртвым и начала похлопывать его по спине. Она почти смеялась.

– Что она говорит?

– Она говорит, что убила мужа.

– Как?... Зачем? – я оторопел.

– Говорит, ему было очень плохо. Очень болело в боку. Потом ему стало совсем плохо, и она не выдержала. Она попросила у него, чтобы ему не было так плохо. Если я правильно поняла. Он не смог вылечиться сам. И она ему помогла. Она сделала так, что ему теперь хорошо. Он теперь спокойный. У него будет хорошее настроение. Если я правильно поняла, – Ленка схватила меня за рубашку. – Какой ужас... Она сумасшедшая. Пойдём в машину. Пойдём.

Она потащила меня к машине. Ей было жутко.

– ...vånta! Snälla! – вскрикнула женщина. Из её голоса исчезла весёлость.

– Она просит нас подождать?...

– Пусть она делает, что хочет! – крикнула Ленка. – Пусть её забирают в дурдом или в тюрьму, или всё равно куда, нам-то какая разница? Это не наше дело. Я не хочу больше это видеть. Пойдём же, ну! Поехали отсюда!

Ленка оттолкнула меня и рывком открыла дверь. Её злость едва не оглушила меня.

– У нас нет газа! Ты что, забыла?

– Не кричи на меня!

– Я не кричу! – проорал я. – Я просто напоминаю. Успокойся.

– Чего мы тут ждём? Ты можешь мне сказать? Пока эта ненормальная нас зарежет? А может, у неё пистолет в кармане? Сейчас она подумает, что нам очень плохо, и будет нас лечить. Вон, она и в кусты полезла. Сейчас найдёт там какой-нибудь топор.

Женщина и вправду что-то подобрала в мокрых лопухах у обочины. Потом она чихнула, вытерла двумя пальцами нос и направилась к нам, держа подобранный предмет в протянутой руке. Прищурившись, я понял, что это охотничий нож средних размеров. Женщина держала его за лезвие и продолжала дружелюбно улыбаться.

Не говоря больше ни слова, Ленка села в машину и захлопнула дверь. Она начала немножко бояться за меня. Я приободрился.

Женщина остановилась, протягивая нож. Лезвие было пятнисто-грязное, с прилипшей травинкой.

– Нэй, нэй, – я покачал головой и жестами попросил женщину бросить нож. Она пожала плечами и послушно уронила нож на асфальт.

– Бра, бра, мюкке бра, – сказал я, пиная ножик в сторону трупa. – Вэнта лите, вашогу. ОК? Женщина сказала «ОК» и вернулась к телу мужа, которому теперь было хорошо.

Ленка опустила стекло.

– Ты псих, – невыразительно сказала она, не испытывая ко мне ничего особенного. – Кто знает, что у неё на уме может быть.

– Зато я попрактиковал свой шведский, – я присел на корточки рядом с дверью. – На самом деле, её не нужно бояться. Я знаю, почему она зарезала мужа.

– Да ну? И почему же?

– Ему было очень больно. Она не выдержала. И сошла с ума. И зарезала. Она же сама сказала.

– Какая жалостливая.

– Не, она не жалостливая. Просто она чувствовала его боль. Как свою боль. И сошла с ума.
– Это сюжет для твоего нового романа? – Ленка отвернулась.
– Неа. Это то, что было, когда тебе утром лечили зубы. То, что продолжается до сих пор.
– Ну что ты несёшь?... – её раздражение подталкивало меня стукнуться головой о машину.

Несколько минут спустя, после серии экспериментов, во время которых я стоял отвернувшись, а Ленка щипала себя за разные участки тела, между нами воцарилось тяжёлое молчание. Я отрешённо вымокал, прислонившись к капоту; шведка-мужеубийца неподвижно сидела на асфальте рядом с трупом; Ленка угрюмо вертела в руках карту автодорог Северо-запада и периодически вздрагивала от сырости.

– Это страшно, – совершенно искренне сказала она.
– И очень неприятно, – добавил я.
– Тебе тоже неприятно?
– И мне тоже. Но я не собираюсь тебя убивать.
– Спасибо. А что же ты собираешься делать?...
Я не мог ничего ответить.

Мы начали погружаться обратно в тяжёлое молчание, но тут случилось невероятное: вернулся Лев. За его машиной с видимым усилием следовала милиция на антикварном «Москвиче». Милиция состояла из двух медлительных молодых людей наполовину в штатском. Один из молодых людей принялся рассматривать труп и задавать шведке вопросы, которых она не понимала. Другой вызвал по рации кого-то из Выборга, записал наши имена и достал из багажника баллон с газом. Я заплатил ему за газ и какое-то время стоял с баллоном в руках. Лев хотел благополучно уехать, но, когда он уже разворачивался, первый милиционер испуганно сообщил второму, что убитый, похоже, иностранец, а женщина – вроде как с ним. Второй милиционер сделал Льву знак остановиться и долго ругал весь белый свет. Первый поддержал его. Я вспоминал, как менять баллон.

В первом часу ночи Ленка заглушила мотор напротив подъезда, где жила её мать, и мы выползли из машины, зевая и никак не соображая от усталости. В Выборге с нами долго беседовали. Следователь истекал милицейским остроумием; мы подписывали разные бумажки и многократно демонстрировали свои документы. Не обошлось без задумчивых предположений о нашей причастности к убийству. Если бы Ленка не скрыла своё знание шведского, нас бы, наверное, мучили больше, поскольку переводчика в Выборге на тот момент не оказалось, и шведке пришлось на пальцах объяснять и доказывать российским блюстителям закона, что она лично зарезала мужа его собственным охотничьим ножом, купленным в России, и теперь мужу снова хорошо.

К нашему облегчению, она никак не дала им понять, что Ленка знает шведский.

Когда из Санкт-Петербурга пришло сообщение, что в Выборг срочно выехал финский консул (шведка оказалась гражданкой Финляндии), нам на всякий случай туманно пригрозили и с явным сожалением разрешили ехать домой.

Ленка открыла дверь своим ключом. Её мама выглянула в прихожую, всплеснула руками и бесшумно засуетилась вокруг дочери. Что случилось? взволнованно спросила она. Ничего, мам, всё хорошо, сказала Ленка. Олеся спит, сказала мама. Увидишь у неё бинт на руке, не пугайся. Она сегодня исхитрилась ладошку порезать. Только забралась с мальчишками за гаражи, так сразу же. Ты уж меня извини. Брось, мам, какая ерунда, сказала Ленка и прошла в комнату, где спала Леся. Я присел на подставку для обуви и закрыл глаза. Домашний уют и прилив нежности при виде спящей дочери вытеснили из Ленки почти всю усталость. Её мир прояснился и снова стал ярким. Будете ужинать, Костя? спросила Ленкина мама. Я знал, что она не очень любит меня и, приезжая с Ленкой в Валкьярви, всегда старался существовать как можно незаметней, но в этот раз у меня не нашлось сил отказаться. Пока я опустошал тарелку

с рассольником, Ленка ела бутерброд и рассказывала маме о том, как замечательно мы провели минувший день. Мама хмурилась и качала головой.

– Костя, – вполголоса сказала Ленка, когда мама ушла готовить ей постель.

Я вопросительно посмотрел на неё.

– Это правда? Это всё ещё правда? То, что ты мне говорил?

– Ну да, – я почувствовал себя самым виноватым человеком на свете. – Бред, конечно.

Но правда.

Ленка отвела глаза. Она пыталась бороться со своим отвращением ко мне. Она внимательно смотрела на белую ночь за окном. Тучи разошлись совсем недавно. Из открытой форточки веяло влажной листвой.

– Похоже, синоптики опять попали пальцем в небо, – заметил я с какой-то глупой игривой интонацией.

– Ага.

– Наверно, мне лучше уехать утром. На девятичасовом.

– Нет. Глупости.

Она боролась изо всех сил. Мне хотелось убежать.

– Хорошо, – сказал я, поднимаясь с табуретки. – Я пойду. В ту квартиру. Дай мне ключ.

Ленка отдала мне свою связку ключей. Мы пожелали друг другу спокойной ночи.

Увидев, что я ухожу один, Ленкина мама недоумённо застыла в прихожей.

– А..? – спросила она.

– Всё в порядке, мам, – ответила Ленка.

Я ещё раз похвалил рассольник и вышел.

2

Знакомые Ленки, которым принадлежала эта квартира, перебрались в Москву. Обстановку они забрали с собой. Оставили только старый диван, старую тумбочку и старый сундук. На старом сундуке стоял старый телевизор. Если он что-нибудь показывал, то делал это при помощи трёх цветов: коричневого, белого и зелёного. Зато он получал сигнал через спутниковую антенну, болтавшуюся за окном пустой кухни. Поэтому часов до четырёх я сидел на краешке дивана, созерцая Discovery Channel. Когда мои глаза слиплись, я выключил телевизор и отключился вслед за ним.

Ленка проснулась без двенадцати одиннадцать. Её правая кисть затекла, и несколько минут Ленка беспорядочно скребла пальцами простыню. Потом она встала, надела лёгкое летнее платье, сходила в туалет, умылась. В прихожей открылась дверь. Доброе утро, мама! крикнула Леся и обняла Ленкины ноги. Ленка села; Леся забралась к ней на колени и затараторила о том, как они с бабушкой видели, как лошадка лягнула дядю. Дядя, судя по всему, был одним из местных алкоголиков. Ленкина мама смотрела на внучку умилёнными глазами и время от времени комментировала её слова. Ленка смеялась. Потом мама дала ей кружку холодного молока и кусок пирога. Леся слезла с её коленей и снова убежала во двор. Солнца не было, как и вчера; синоптики всё-таки оказались правы. Мама сказала, что решила ещё на год остаться на работе. Как тебе лучше, мам, сказала Ленка. Ты-то собираешься куда-нибудь устраиваться? спросила мама. Да, знакомые предлагают одно хорошее место. Наверно, с сентября начну. Потом мама стала расспрашивать про вчерашнее. Ленка нехотя отвечала. А с Костей? спросила мама. Что у вас такое случилось? Почему ты решила, что у нас что-то случилось? сказала Ленка. Просто мы вчера устали. Очень. Она вымыла кружку и поставила её в сушилку.

Я скатился с дивана и шлёпнулся на пол. Я разбил нос и оставил на линолеуме несколько красных клякс. Я прокусил губу, сжался в комок и стал тихонько выть.

Я видел её глазами, слышал её ушами, чувствовал её кожей. Когда-то я мечтал об этом; теперь невероятное произошло, и я показался себе последней свиньёй. Но это было не самое страшное. Я мог запросто справиться со своей совестью, но мне больше не удавалось отделаться от Ленкиных ощущений. Моё сознание превратилось в кашу и болезненно металось из тела в тело, из одной вселенной в другую. Надо что-то делать, подумал я, переходя с воя на крик, и на четвереньках пополз в ванную. По пути я расправился с различными заманчивыми мыслями о вскрытии вен, и мне осталось только скрючиться под ледяным артезианским душем. Это помогло, но совсем немного. Я стал биться головой о стенки ванны, разодрал щеку об остатки мыльницы, прикрученные к стене, и ещё раз разбил нос. Потом я поднялся на ноги, попытался удавить себя душем, потом передумал, разбил кулаком стеклянную полочку у зеркала, оттолкнулся от стены, ударился боком о край раковины, рухнул на плиточный пол и потерял сознание.

2

На её лице было выражение тринадцатилетней давности. Когда я первый раз заметил это лицо, когда это лицо первый раз пристально посмотрело в мою сторону, оно выглядело точно так же. У него были такие же широко распахнутые глаза и такой же наклон на десять градусов вправо. На этом лице так же не было улыбки, вежливого любопытства или скуки. Только осторожность и недоверие.

Разница заключалась в цвете волос и отчётливости изображения.

Когда Ленка убедилась, что я вижу и понимаю, она помогла мне встать. Потом ей пришлось помогать мне стоять.

– Лучше не смотри в зеркало, – предупредила она.

– Как ты вошла?

– Ты не закрыл дверь.

Общими усилиями мы смыли с меня кровь, вытерли меня полотенцем, привели в комнату и стали смазывать йодом и заклеивать пластырем.

– Откуда здесь аптечка?

– Я принесла с собой.

– ...Ты уже приходила?

Ленка не ответила. Мы перешли к выковыриванию кусочков стекла из моего локтя. Было не очень приятно.

– Что ты дрожишь? – спросил я.

Ленка замерла.

– Тебе больно, – прошептала она.

В следующее мгновение я второй раз в жизни увидел, как она плачет.

Трясущейся рукой я вытащил последний осколок из своего локтя и положил его к остальным – в обрывок бинта.

– Когда ты это почувствовала?

– Ты разбил нос. Кажется, об пол, да? Потом залез под душ... Что с тобой случилось? Что с нами случилось? Почему, Костя?

Всхлипывая, Ленка намазала мой локоть йодом, и я налепил туда два квадратика пластыря.

– У тебя сотрясение мозга, – Ленка смахнула слёзы измазанной в йоде рукой. На её лице остались коричневые разводы.

– Ты уверена?

– Ага. У меня было два раза в детстве. Так же в ушах звенит. И тошнит. Ну, ты-то с чего плачешь?

– Это ты плачешь. А я за компанию. Автоматически.

– Сходи, пусть тебя вырвет.

– А тебя не вырвет?

– Попробую удержаться.

Она удержалась. Я почистил зубы, обмотал голову мокрым полотенцем и оделся. Её припухшие глаза следили за мной. Ей казалось, что она видит меня в первый раз.

– Какой ты смешной. Весь в пластыре, и тюрбан на голове.

– А ты замарашка, – я подошёл к ней и влажной рукой частично стёр йод с её лица.

– Сколько у тебя всего болит, – задумчиво произнесла Ленка.

– Зато твой зуб совсем прошёл.

– Огромное утешение. Ты ребро не сломал, случайно?

Я пощупал свой бок сквозь футболку, не отводя взгляда от её лица.

– Ты хочешь меня, – удивлённо сказала Ленка.

– Тебя это удивляет? Я...

– Только не говори, что ты всегда это делаешь.

– А я и не буду ничего такого говорить. У меня уже не та возрастная категория.

– Ишь ты, просто дедушка какой-то.

– Это подростки думают про это каждые восемь минут. Я уже так не могу. Я – всего лишь каждые девять. С несотрясённым мозгом. В нерабочие дни.

– А в рабочие?

– А в рабочие я думаю только о благополучии родной фирмы. Как всякий истинный японец. У тебя, кстати, левая грудь чешется. Можно, я почешу?...

Ленка наконец-то улыбнулась.

– Слушай, японец. Ты в курсе, что мы не одни такие?

– То есть?... Откуда ты знаешь?

– По Выборгскому радио говорили, пока я искала аптечку. Сначала сказали в новостях, что в Финляндии люди обращаются в больницы и в полицию, десятками. Рассказывают про то же, что у нас с тобой. И про последствия тоже говорили. Один голубой из Хельсинки задушил своего партнёра. Из ревности. Почувствовал, что тот равнодушен к другим. Сам пришёл в полицию и сознался. Про нашу шведку тоже говорили. Её увезли в Финляндию, вместе с трупом. Ещё сказали, что в сети уже вагон информации про это всё... Потом народ стал звонить на радио, после новостей. При мне двое позвонили. Ди-джей останавливал музыку и пускал их в эфир. Такие истории, ты бы слышал. Я стояла с аптечкой посреди комнаты и слушала...

Она помолчала секунд пять. Я ждал продолжения.

– Знаешь... Знаешь, когда ты был без сознания, это было... Было очень странно. Словно... Словно что-то выключилось внутри, и оно стоит там, ничего не делает, не двигается. И мешает. Мешает очень сильно. Такая громадина внутри. Тяжёлая. Как телевизор. Огромный такой выключенный телевизор... Чего ты на меня так уставился?

– Телевизор.

Я чихнул и включил телевизор.

2

Ко второй половине дня небо, как и было обещано, очистилось от туч, и на улицах Выборга почти не осталось пешеходов. Повсюду крутились такси. Заботливые хозяева перестраховывались: вылавливали и растаскивали по квартирам своих котов, которые пытались дремать на долгожданном солнышке. Коты любили дремать на солнце ещё тысячи лет назад. Настало время их перевоспитывать.

В больнице Ленкин диагноз подтвердился. Меня осмотрели, выслушали, прогнали сквозь рентген и установили символическое сотрясение мозга и трещину в ребре. Отложив мои

снимки в сторону, пожилой седоусый врач с усталыми глазами вытащил из стола несколько неизбежных бумажек и принялся покрывать их медицинскими каракулями. Я застегнул рубашку, подтянул джинсы и следил за рукой врача, разухабисто ползущей по бумаге. Меня неприятно поразил нездоровый ажиотаж, которым сопровождался мой осмотр. Медсёстры и врачи то и дело заглядывали в кабинет, с любопытством глядели на меня и как будто ждали чего-то. Ленка сидела в парикмахерской. Вероятно, она попала в лапы какой-нибудь практикантки: чужие пальцы, пахнувшие цветочным мылом и сигаретами, безжалостно дёргали её за волосы и непрерывно гнули её голову в разные стороны.

– Где ж вас так угораздило, Константин Рудольфович? – добродушно спросил врач, рассматривая зажатую в вытянутой руке бумажку дальнозоркими глазами.

– Мылся в ванне. Поскользнулся. Упал, – улыбнулся я.

– Очнулся – гипс, а?... Ммня, могло быть и хуже. Мой зять, вот, споткнулся об штангу в спортзале. А через двое суток, не приходя в сознание... – врач подышал на печать и грохнул ею по столу. – Ну что ж, дело у вас не то, чтобы очень серьёзное... Но без больничного, разумеется, не обойтись.

Больничный – это очень хорошо, подумал я. На работе коэффициент моего полезного действия стремился бы к нулю. Даже без сотрясения мозга. Чтобы связно общаться с врачом, мне приходилось концентрироваться изо всех сил. Хотелось трясти головой и отделаться от парикмахера. Хотелось встать, но и это было невозможно, коль скоро я уже стоял. Вид моей плоской груди под рубашкой постепенно делался всё более диким, и я старался не опускать глаз. Я старался собрать всё своё внимание в один комок и приделать этот комок к чему-нибудь вокруг себя. Вокруг меня.

– Вот, поставьте штамп в канцелярии на первом этаже, – врач протянул мне бумажки. – Да, и расписаться не забудьте. Вот здесь, ага, хорошо, спасибо. Так, ладно, Константин Рудольфович, с вами мы разобрались, ближайшие три дня покойтесь в мире и мойтесь осторожней, по возможности. Ммня.

Я поблагодарил его и повернулся, чтобы уйти, но, как оказалось, не в сторону двери. Пока я зигзагообразно приближался к выходу из кабинета, врач ещё раз ммнякнул, скрипнул стулом и вдруг спросил:

– Э-э, вы телевизор сегодня не смотрели?

Я обернулся.

– Смотрел.

Вокруг меня щёлкали ножницы.

– Новости? Новости смотрели? – оживился врач.

– Да.

– Что-нибудь говорят? – мне показалось, что он понизил голос.

Я покачал головой.

– Наши ничего не говорят. Даже петербургские каналы.

– Вы понимаете, о чём я, да?...

– Да.

– Вы извините, что я вас задерживаю, ммня... У меня, понимаете, ночная смена была сегодня... Вы по радио узнали, да? – после моего кивка он сделал неопределённый жест и несколько секунд массировал себе веки. – Сами не сталкивались, нет ещё?... Я тут столкнулся... Ко мне вчера вечером прибежала подруга жены, в нашем ГОРОНО работает. Я как раз в больницу собрался уходить. Спрашиваю, что надо, и она мне рассказывает, понимаете?... У неё есть сын двадцатилетний. Его избили где-то на заливе, и она всё чувствовала, понимаете?...

Ленке не нравилось то, что получалось из её волос под умелыми руками парикмахера.

– ...и она приходит ко мне как к доктору, ревет и дрожит. Я ей сказал: «я хирург, а не психиатр», – и пошёл на работу. Пусть, думаю, жена эту безумную успокаивает, понимаете?... А на работе чёрт знает что. Несколько человек уже сидят, несколько пар. Сидят, носятся по корпусу, закатывают истерики, можете себе ведь представить, а? И все лезут в травматологическое, все как один. Прыгают прямо. Как с ума посходили, ммя. Я их осматриваю: у одних переломы, вывихи, а другим больно. Просто больно, понимаете, а? Я отправляю тех, которые с травмами, на перевязки и не знаю, что с другими делать. И так всю ночь – до самого утра. Утром, кстати, мне позвонил приятель из роддома. К ним привезли роженицу, а с нею муж – совершенно без крыши. Говорит, что тоже рожает. Описывает схватки жены – один в один, из другой комнаты... Так, значит, ничего по телевизору? – врач сцепил руки в замок и нервно перебирал пальцами. Он не смотрел на меня.

– Только по финскому каналу, – я зажмурился и увидел новую Ленкину причёску. Ленка рассматривала себя в зеркале. Сбоку стояла парикмахерша – совсем молоденькая девушка с равнодушным лицом. – Я, правда, скорее догадался, чем понял – финского я не знаю. Но было похоже на то... По БиБиСи сказали несколько слов – про Финляндию. Без репортажа. Обещали подготовить детали к следующему выпуску, но мы не стали ждать. Сами понимаете, – я прикоснулся к голове. Надо же, на ней компресс. Я уже забыл.

– Вы не один приехали? – врач пытливо посмотрел на меня.

– С женой, – сказал я, и испугался, что Ленка расслышала это. Она уже заплатила за стрижку и ждала, когда девочка-парикмахерша выпишет чек.

– Ага, – сказал врач таким тоном, словно это меняло всё дело. – Ммя... Я почему, собственно говоря, про телевизор спросил... Я остался на вторую смену, – он посмотрел на часы. – Уже, впрочем, на третью. Из любопытства, так скажем. В одиннадцатом часу приехали, как бы сказать, люди в штатском. И в камуфляже тоже – разные люди приехали. Это утром уже. Всего десять или пятнадцать. Говорили с заведующим. Ну, и со мной – постольку поскольку. Посмотрели на больных этих – с раздвоением личности. Которые ещё оставались в больнице. Я так понял, они себе все их данные переписали. Устроили небольшой допрос персоналу. Ну, и мне тоже. Понимаете?... Хитрое что-то происходит. Ммя... Телевизор у нас в корпусе полетел. Интернета, ээ, тоже нет. Со вчерашнего вечера. Я хотел домой позвонить, конечно. Но, знаете, – он посмотрел на меня, как в беззвучном кино, – телефоны не работают.

– Не может быть, – изумился я из вежливости.

Ленка стояла неподвижно.

– Ты слышишь? – прошептал я.

– Да, – отчётливо сказала она.

– Что вы сказали? – врач выгнулся в мою сторону.

– Нет, ничего. Спасибо огромное. Значит, в канцелярию с больничным листом, а через несколько дней показаться?...

– Именно так, – он кивнул сразу головой и плечами.

– До свидания.

Я вышел и побежал по больничному коридору.

– Не спеши, – посоветовала Ленка.

У меня затрещала голова. Я понял, что спешить действительно не стоит.

– Прости, – выдохнул я.

Добыв необходимую печать, я сложил все бумажки вчетверо, сунул их в карман и поковылял на улицу. В кресле напротив регистратуры всё так же сидела девушка с зонтиком. Она клевала носом, время от времени открывая глаза и окидывая всё вокруг пустым красноватым взглядом.

Я сел в машину. Включил зажигание и кондиционер. Ленка не двигалась. Она стояла возле парикмахерской, на солнечной стороне улицы.

– Зарабатываешь рак кожи? – спросил я, разворачиваясь.

– Ты чайник с сотрясением мозга и треснувшим ребром, – сказала Ленка.

– Ну, триста метров я как-нибудь преодолею.

Доехав до перекрёстка, я повернул налево и увидел её зелёно-голубое платье.

– Помаши мне рукой.

Она помахала рукой.

– Эй, чайник, как ты думаешь, до мыслей дело дойдёт? – Ленка подошла к краю тротуара. – Хочется верить, что нет.

– Мне тоже. Я этого не переживу.

Переднее колесо наехало на тротуар, и моя голова в очередной раз болезненно встряхнулась. Я виновато посмотрел на Ленку, открыл ей дверь и уступил место за рулём.

2

Остаток дня я провёл в строго горизонтальном положении, попеременно слушая БиБиСи и выборгскую радиостанцию «Виипури». Первая каждые полчаса извещала меня о том, что в Финляндии происходят неслыханные вещи и что в России они тоже вроде бы происходят, но официальных подтверждений пока нет; вторая никого ни о чём больше не извещала и сплошным потоком передавала музыку. Ленка и её мама учили Лесю читать, готовили ужин и обсуждали судьбы различных выходцев из Валкьярви. Про меня они не говорили.

Телефон не работал.

Когда Лесю уложили спать, я перешёл из горизонтального положения в диагональное.

– Я пойду, – сказал я Ленке. – На ночлег. Пойдёшь со мной?

– Я теперь всегда с тобой, – не очень весело улыбнулась она. – А ты со мной. Вместе навсегда. Деваться некуда.

– Мечта Ромео и Джульетты, – буркнул я.

Мы погуляли по посёлку, встречая веселящиеся компании подростков с орущими компашниками, гитарами и алкоголем и здороваясь с многочисленными пожилыми людьми на скамейках. Пожилые люди помнили Ленку ещё саавсем махонькой, отпускали пожилые шутки и задавали традиционные вопросы. Ленке было весело и легко.

– О чём ты жалеешь? – спросила она, когда мы пришли в пустую квартиру.

– Я? Я о чём-то жалею?...

Мне пришлось собраться с мыслями.

– О том, что поздновато уже, – выяснил я.

– Полпервого, – Ленка пожала плечами. – Ты что-то хотел успеть?

– Нет, – я осторожно замотал головой. – То есть, да, я много хотел успеть. Но я имею в виду другое время. Большое время. Не время суток.

Я умолк. Я хотел сказать что-то неопределённое и эмоциональное о том, как поздно мы сошлись и как много летних ночей в моей жизни отправились, как говорила моя мама, коту под хвост, но, к счастью, мне вовремя стало стыдно.

Ленка разливала чай из термоса по кружкам.

– Ну, продолжай, – сказала она. – Я слушаю. Что значит «большое время»?

– Да ладно, чёрт с ним, – я взял свою кружку и сделал большой глоток. – Всё это эгоизм чистой воды. Жалость к беденькому себе.

Мы сели рядом, держа в руках кружки и печенье. На полу между нашими ногами чернели следы, оставленные моим разбитым носом. Я потянулся, чтобы включить телевизор.

– Утихомирься, – Ленка остановила мою руку. – Что ты ещё хочешь знать? У нас с тобой и так все новости есть, из первых рук.

– Мне... Хотелось бы знать, почему наше замечательное государство отмалчивается. И почему все средства и способы массовой информации дружно молчат. И почему телефоны не работают. И откуда столько военных грузовиков на дороге. И патрули какие-то. Ты обратила внимание?

Ленка кивнула.

Ей было всё равно. Через секунду мне тоже стало всё равно. Я взялся за печенье.

– Слушай, откуда у тебя эти морщинки? – Ленка с неподдельным удивлением уставилась на меня. – Я что-то не замечала раньше.

– Оттуда же, откуда у тебя, – я допил чай, поставил кружку на пол, стряхнул туда же крошки с рук и поднёс ухо к Ленкиным часам. – Тикает.

Она провела ладонью по моей щеке. Я выпрямился и поцеловал её.

– Дай мне прожевать печенье.

– Ты представляешь, как... как это может быть?

– М-м, – отрицательно промычала Ленка. – Сейчас узнаем. Подожди. Мне будет лень потом зубы чистить. Как всегда.

Это была здравая идея. Мы пошли чистить зубы вместе. Когда мы вернулись в комнату, я выключил свет. Ленка съехидничала по поводу моего внезапного целомудрия. Если ты увидишь мои синяки при свете, ты испугаешься и убежишь, объяснил я. Я их уже видела, парировала Ленка. И вообще, если я до сих пор от тебя не убежала, то никакими синяками меня уже не удивишь. Ты великая женщина, продекламировал я вполголоса. Просто я очень добрая и слабохарактерная, вздохнула Ленка. Твоё терпение заслуживает памятника, сказал я, стаскивая с неё платье. Ленка слегка надавила коленом на мой пах и покачала головой. Боже мой, сказала она. Как забавно. Ага, согласился я, чувствуя свои руки на её щеках – шее – плечах – груди – талии – бёдрах. Помнишь того древнегреческого супермена? Которого боги превратили в женщину – в качестве наказания? Нет, сказала Ленка, экспериментируя с прикосновениями. Он выжил? Ещё как, ответил я. Когда его превратили обратно, он сделал неприличный жест в сторону Олимпа и заявил, что в процессе прикладной любви женщине в девять раз лучше. Чем мужчине. Я счастливейший из самцов. Я проверю эту романтическую легенду на собственной шкуре. Поздравляю, сказала Ленка. Постепенно мы оказались у окна, и я смог ясно видеть её лицо – настороженное, недоверчивое и наконец-то любопытное. Ты самая красивая, выдал я. Ночью, когда не видно морщинок и всего остального, пояснила Ленка. Ты очень молодая, самая лучшая и начинаешь истекать. Первое и последнее – правда. Ну и... как оно тебе? Мне... мне кажется... будто всё ходит по кругу, скажи? Как будто пропускают через усилитель... Ну и колотит же тебя. Нет, это тебя колотит. Это твоя рука? А где же моя? Мы рехнёмся... Было бы неплохо. Нет, давай не будем на полу. Он грязный. Подожди. Здесь... Здесь...

– А-а-а! – взвизгнула Ленка.

Она толкнула меня в грудь. Мы отпрыгнули друг от друга и замерли. Нам было страшно. Страшно до тошноты.

– Подними руку, – прошептала Ленка.

Я был уверен, что поднял руку. Но рука так не считала. Она осталась в прежнем положении. Я попробовал поднять её другой рукой, но снова без видимого результата.

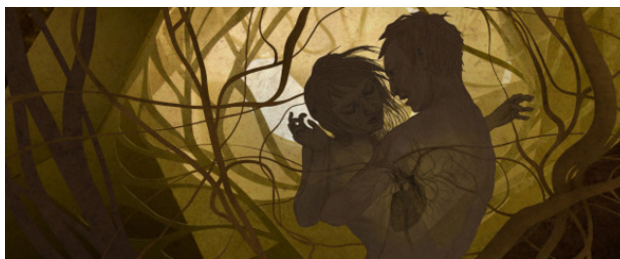
– Свою руку! Свою! – Ленка скрестила руки на груди, и я почувствовал, как её ногти впились в её локти. – Не трогай меня! Не трогай! Не трогай меня!

– Я не трогаю тебя! Ты видишь, я не трогаю тебя?

Я метнулся в какую-то из сторон. Ленка пошатнулась, потеряла равновесие, взмахнула моими руками, я увидел её испуганное, безумное лицо, я упала, ударились левой грудью о тумбочку, я подхватил Ленку у самого пола, она схватилась за левую грудь, кто-то из нас стиснул

зубы, кто-то из нас закричал «не трогай меня!!!», кто-то из нас зажмурился и ударил другого коленом в живот.

И нам стало очень больно.

1

– Света нет, – напомнила Ленка, увидев, что я согнулся над радиоприёмником.

– Дрянь какая, – озлобился я.

Ленка прошла в кухню и обнаружила потоп в холодильнике.

– И вправду дрянь, – сказала она, вздохнув. – Я хотела что-нибудь разогреть в микроволновке... Что, интересно, мама делает на работе без света? Или это только у нас?

Ленка включила газ, достала три сковородки и принялась жарить растаявшее мясо.

– Думаешь, не включают? – спросил я, садясь на порог балкона.

Она пожала плечами.

По шоссе, проходящему сквозь посёлок, проурчал военный грузовик. Высоко в небе крутился вертолёт.

В начале третьего, ведя за руку Лесю, вернулась Ленкина мама. Она выглядела озадаченно.

– Не дали ещё свет?... Вот негодяи. С пяти утра нет света нигде. Василий Палыч наш ездил в Выборг, документацию отвозил. Там, говорит, тоже электричество отключили... Авария, что ли, какая-нибудь?... А Леська... Лен, слышишь? Леська опять подралась с Серёжкой. Прямо на площадке, у меня под окном. Только минуту назад играли, как в рекламе – тихо, мирно, только смех стоит. И вдруг на тебе – смотрю: наша визжит во всю глотку и охаживает его палкой.

– Ну, солнце моё, сознавайся, откуда у тебя такие замашки? – спросила Ленка, опускаясь на корточки перед Лесей.

– Он обзывался, – серьёзно сказала Лесья и шмыгнула носом.

– Он мальчишка. Все мальчишки глупые, – наставительно объяснила Ленка. – Не обращай внимания. Ты же девочка. Ты должна быть умней.

Солнце обошло дом, и мне пришлось убраться с балкона.

Лесю ещё немножко пожурили и посадили обедать.

– Всё мясо изжарила? – нейтрально спросила Ленкина мама. – Ну, Костя съест, пока он здесь... О-хо-хой, что на свете творится. Василия Палыча нашего, слышишь, два раза на дороге останавливали. Военные, говорит. Документы смотрели. А во второй раз – на развилке, где озеро начинается, – приставили ему какую-то трубку к голове. Прибор какой-то. Говорит, на фонарик было похоже. С проводами, лампочками. Василий Палыч-то, конечно, громко возмущался. И продолжает возмущаться. Говорил, будет жаловаться во все инстанции. Ты же его знаешь. Но ничего ему так и не объяснили. И не извинились, само собой...

Ленка почувствовала неприятную слабость в руках.

– Интересно, – сказала она, натирая морковь для салата.

– Может, террористов каких-нибудь ловят? – предположила мама.

Я заглянул на кухню, поздоровался, пожелал Лесе приятного аппетита, спустился во двор, завёл машину и включил радио. Выборг молчал. Я поймал одну из петербургских станций и дождался окончания писклявой музыкальной композиции. Деловой женский голос объявил точное время и начал читать сводку новостей. Как оказалось, минувшей ночью в результате серии тщательно подготовленных и скоординированных террористических актов был нанесён серьёзный ущерб четырём гидроэлектростанциям на территории Ленинградской области. Два мощных взрыва прозвучали также в Сосновом Бору. Погибли трое работников ЛАЭС; ещё шестеро находятся в критическом состоянии. По словам срочно прибывших на место специалистов МЧС, серьёзным повреждениям подвергся второй энергоблок станции. Не исключена опасность радиоактивного заражения местности. Подразделения МЧС и внутренних войск приступают к эвакуации людей из прилегающих населённых пунктов. На данный момент в результате беспрецедентной серии терактов обесточены Выборгский, Приозерский, Всеволожский, Кингисеппский, Волховский и Сланцевский районы, а также Сосновоборский. Нарушено энергоснабжение значительной части промышленных предприятий и жилых массивов Санкт-Петербурга. Нарушено движение пригородных электропоездов и поездов метро. Указом президента Российской Федерации в Санкт-Петербурге и области введено чрезвычайное положение. Принимаются самые экстренные меры для восстановления энергоснабжения в регионе и для предотвращения новых возможных терактов. Прилагаются все усилия к выявлению и поимке террористов. Администрация области, губернатор Санкт-Петербурга и лично президент призывают население не поддаваться панике и всячески содействовать правоохранительным органам в поддержании порядка и задержании лиц, которые могут быть причастны к организации взрывов на электростанциях. Паника на руку бандитам и врагам России. Они хотят запугать нас и заставить нас пойти на уступки, но это им не удастся. Российский народ...

Я не стал слушать не слишком свежую информацию о мужестве, нестигаемости и единомыслии российского народа. Я вышел из машины. Ленка молча смотрела на Лесю, которая расправлялась с остатками салата. Мама ушла к соседке.

– Это брехня, – сказал я, поднимаясь по лестнице. – Неряшливая брехня.

– Наверно, ты прав, – отозвалась Ленка.

– У тебя здесь шведский паспорт?

– Думаешь, надо удирать?

Леся уставилась на мать, забыв дожевать очередную ложку салата.

– Ну что ты? – спохватилась Ленка. – Кушай всё до конца. Не смотри на меня. Это я так, сама с собой.

Она встретила меня в прихожей.

– Удрать было бы неплохо, – сказал я.

– Они никого не будут выпускать. И... и даже если бы они меня выпустили. Я без Леськи никуда не поеду.

– Оставь её здесь.

– Ты не понимаешь, о чём ты говоришь.

– ...Они должны тебя выпустить! Сунешь им паспорт и скажешь что-нибудь с акцентом. У тебя там фамилия мужа? Смилга, так ведь? Сойдёт за шведскую...

– Ну хорошо, допустим, – Ленка перешла на шёпот. – А что я буду делать там? Ты это как-нибудь себе представляешь? Что я буду делать там? Без Витьки и его денег? Без Леськи? Без мамы? Без друзей? Без тебя, в конце концов?

Невероятно, подумал я. Я всё-таки попал в этот список.

– Если ты останешься здесь, они сделают с тобой что-нибудь очень нехорошее. Неужели ты не чувствуешь?

– Они сделают со мной то же, что и с тобой.

– Это тебя успокаивает?...

Ленка ответила не сразу, и за три секунды её молчания я успел помолиться всем богам, когда-либо придуманным на этой планете. Пусть это будет правдой. Пусть выяснится, что её слова значили то, что я понял. Если она подумает и скажет «да», если она скажет «да» и почувствует это, я жил не зря, я жил не совсем зря, я жил не...

– Они же останавливают на дорогах... Я даже до границы не доеду, если на то пошло, – продолжила Ленка вслух свою мысль.

Моя дурацкая мнительность.

– Ну... как хочешь.

Ленка пристально посмотрела мне в глаза и усмехнулась.

– Тебе же так лучше. Ты же не хочешь, чтобы я уезжала. И знаешь, что это невозможно. Зачем ты заговорил об этом? Зачем этот театр?

Она не злилась на меня, и я собрался отшутиться. Мне помешал стук в дверь.

– Открыто, – громко сказала Ленка.

Дверь распахнулась. В прихожую вошли два человека в штатском. Один молча сунул мне в лицо удостоверение профессионального любителя Родины; другой, тучный и потный, осмотрел нас с Ленкой заплывшим взглядом и назвал моё имя. Я подтвердил, что я это я. Без объяснений и проволок тучный приказал нам идти с ними. Мы не хотим никуда идти, сказала Ленка. На каком основании вы нами командуете? На лице тучного высветилась безмерная усталость от подобных вопросов. Не пойдёте по-хорошему – мы вас поведём, объяснил он. Ведите, сказала Ленка. Ребята, позвал показыватель удостоверения и отступил на лестничную площадку. Из-за его спины вышли трое спецназовцев. Не обронив ни звука, они вытолкали нас из квартиры и потащили вниз по лестнице. Мне надо сказать несколько слов дочери, сказала Ленка. Дайте мне две минуты. Спецназовцы вопросительно посмотрели на тучного. Тот покачал головой. Уже во дворе, выгадав момент, Ленка развернулась и хлёстко ударила его по лицу. Тучный издал неопределённый хрюкающий звук; один из спецназовцев ударил Ленку прикладом автомата в спину. Я невольно вскрикнул вместе с ней и выгнулся вперёд. Тучный заржал.

– Парочка, – уверенно сказал он владельцу удостоверения, – сто процентов.

– Сука ты жирная, – произнёс я, с завистью глядя на автомат толкавшего меня спецназовца.

Тучный заржал ещё громче. Вероятно, к таким эпитетам он тоже успел привыкнуть. Удар в спину сбил меня с ног. Я встал. Голова раскалывалась от боли.

На шоссе стоял длинный грузовик с названием немецкой фирмы на борту. Прежде чем нас запихнули в него и закрыли дверь, я успел разглядеть, что на голом металлическом полу уже лежали и сидели не меньше десяти человек.

– А-а, ещё парочка! – взорвался истерический женский голос в дальнем конце прицепа.

– Заткнись, – отозвался мужской голос где-то рядом с нами.

– Да заткнись ты сам! Сам заткнись! Заткнись, а то обосрёшься, придурок! Ты же давно хочешь, я чувствую, всё сдерживаешься, чтобы не пукнуть ненароком!..

– Кто-нибудь, ударьте её посильнее, – попросил мужской голос.

В дальнем конце с готовностью отозвались на его просьбу. Сквозь вопли женщины раздалось несколько звонких ударов.

– Спасибо, – в голосе мужчины сквозила боль. – Слушай, Татьяна. Если ты ещё скажешь хоть слово, я попрошу тебя затряхнуть. Или сделаю это сам. Не смотря ни на какую боль.

– А в туалет и впрямь было бы неплохо, – задумчиво сказал другой женский голос.

Я стал зачем-то барабанить в дверь. В следующий момент заревел двигатель, и грузовик тронулся с места.

– Как сволочи они безупречны, – сказал мужчина. – Это было Валкьярви, если не ошибаюсь?

– Да, – ответила Ленка.

– Приближаемся к финской границе. Пора бы уже их всех перебить, – сказал мужчина нарочито шутливым тоном. – Нас с Татьяной в Игольном посадили... Я Сергей. Вы?...

Очевидно, он обращался к нам. Мы с Ленкой назвали свои имена.

– Очень приятно, – сказал Сергей.

В глубине прицепа раздался всхлипывающий смех.

– Как... как ему приятно! Нет, вы только послушайте!.. Как ему здорово!.. Сколько удовольствия! Нет, вы только поглядите!... Чего ж вы все молчите-то? Вам тоже приятно? Вам тоже очень приятно?!

– Перестаньте, Татьяна, – я не знал, что Ленка может говорить так громко. – Вы же женщина.

Её тон и её чувства были такими же, как и час назад, когда она упрекала Лесю за агрессивное поведение.

– Я?... Я уже не знаю, кто я, – сказала Татьяна, внезапно успокоившись. – Может, я Таня. Может, я Серёжа. Может, я ещё кто-нибудь. Кто может сказать...

Сквозь шум грузовика стали пробиваться её рыдания.

– Здесь все... по парам? – спросил я.

– Похоже на то, – ответил Сергей. – Или...

– В меня нет... как ты сказал?... пары, – сказал пожилой мужской голос. – Моя пара померла вчера вечером. Не выдержала чертовщины. Утром слегла, вечером кончилась. Шестьдесят лет было бабке. Здоровая была, как кобыла. Не упомяну даже, когда последний раз болела... Може, годов пять назад простуда в ей была... Курить хочется, э-эххр, – говоривший прокашлялся и громко захрипел. Когда он заговорил снова, стало ясно, что ему не хватает воздуха. – Не дали лекарство взять, щенки... Я-то больной вдоль и поперёк. Астматик, почечник, слепой на один глаз. Рука правая болтается ещё с колхоза. А она-то здоровая была, как никто. Говорит мне: «Как же ты живёшь-то так, Колька? Всё ж в тебя болит. Дышать – и то нормально не можешь...» Заплакала даже, дурёха. Потом замолкла. Вчера замолкла. Потом слегла. И ни слова больше. Пока не померла, ни единого слова больше не сказала.

– А когда умерла, разговорилась, что ли? – равнодушно фыркнул кто-то.

– ...Страшно умирать. Не хочется. Не хочется, э-эххх-рр, умирать. А после будет тихо так, и яма будет. Здоровенная, хх-ррр-э-э, яма. Скроет с головой, если оступишься. Ничего там нету. А я как...

Кашель не дал ему говорить дальше. В его глотке заклокотало; он хрипел и ударялся о металлическую стенку.

– Это их фишки, – раздался злой голос из середины прицепа. – Это они повышают нашу обороноспособность. Эксперименты ставят. На свинках. Подлецы. А потом устраняют непредвиденные последствия. Наверно, мы теперь опасные. Сейчас превратимся в вампиров и пойдем сосать кровь... Вы задумывались? Думали, что они с нами сделали? И что они с нами сделают? Вон, деду не дали даже лекарство взять. Они не будут с нами возиться. Наберут полный фургон и перестреляют всех.

– Да что ты такое говоришь!... – закричала женщина. – Ну как ты можешь такое говорить!... Как они могут нас перестрелять?...

– Из автомата, – сказал Сергей.

Несколько минут все молчали. Ленке было страшно. Мне тоже было страшно. Мы сели рядом, прислонившись спинами к стенке.

– Но этого же не будет, – шепнула Ленка в моё ухо. – Костя, этого же не может быть. Мы же ничего не сделали... Если они... Как же тогда Леська? Мама не переживёт. Это же не может произойти?...

– Ничего и не произойдёт, – шепнул я в ответ.

– Ты тоже боишься.

– Не обращай внимания. Я вообще трус. Я всегда всего боюсь.

Ленкины слова напомнили мне о моей матери. Я забыл позвонить ей на выходных.

– ...Но это же невозможно! – жалобно сказала женщина. Я представил, как она ошеломлённо качает головой в темноте. – Они не могут просто так убивать людей.

– А может мы теперь как бы и не люди. Нелюди, – сказал злой голос.

– ...Им не позволят это сделать, – продолжала женщина. – Ведь правда же? Мы же свои, мы же русские!...

– А я, между прочим, армянин наполовину, – сказал злой голос. – Чурка почти. Ты это не забывай. Меня пристрелят. А тебя обязательно отпустят. Ты же русская. Чистопородная... Интересно, они станции на самом деле взорвали или говорят только? Как вы думаете?

Никто никак не думал. Злой голос произнёс ещё несколько фраз и затих.

Грузовик сделал ещё две остановки – в Краснознамённом и в Гостьево. Нас стало больше на шесть человек. Последней парой были мальчик и девочка лет тринадцати. Пока их сажали в грузовик, двое спецназовцев у обочины избивали ногами мужчину в спортивном костюме. Девочка всхлипывала и повторяла «папа, папа, папа». Мальчик изо всех сил брыкался и царапался, а когда его поднимали, чтобы забросить в прицеп, ударил ботинком гладко выбритое лицо спецназовца и бросился бежать. Через минуту его поймали, быстро сунули в прицеп и захлопнули двери. Мальчик был без сознания. Ленка прикоснулась к его лицу.

– Кровь.

Сергей дал Ленке носовой платок, и она стала вытирать кровь. Все подавленно молчали. Девочка всхлипывала и икала. Кто-то барабанил пальцами по полу.

Снаружи раздался глухой выстрел, за которым – мгновенно – последовал истошный рёв и – пару секунд спустя – автоматная очередь и беспорядочные злобные выкрики.

– А-атставить! – услышал я перекрывающий все звуки голос тучного. – Хер с ним! С ним потом разберутся. Ложите своего в автобус и поехали. Через час мы должны уже всё сделать.

Послышались звуки возни вперемешку со стонами. Грузовик дёрнулся и поехал дальше.

– Час остался, – сказал злой голос.

– Он умер, – сказала девочка.

Ленка вздрогнула и приложила ухо к груди мальчика. Сердце не билось.

– Он совсем умер, – сказала девочка. Она больше не всхлипывала, только икала.

Ленка оставила скомканный влажный платок на груди мальчика и снова села рядом со мной, но не прикасаясь ко мне. Она пыталась не плакать.

– Вот, девчушка, и ты без... пары, – захрипел пожилой голос. – Кто он тебе такой?

– Брат, – сказала девочка. – Младший брат. Я его старше... На шесть минут... Я сейчас упаду. Я больше никак не могу держаться. Я сейчас, ааай, упаду, упаду!...

Она закричала – высоко и пронзительно. Я бессознательно ждал удара тела об пол, но удара не было. Она просто продолжала кричать, время от времени набирая в лёгкие воздух. Потом кто-то набросился на неё, заткнул ей рот, она продолжала кричать с закрытым ртом, её стали хлестать по лицу, кто-то другой возмутился, кто-то стал материться и колотить в стенку прицепа.

Слёзы по очереди сбегали по Ленкиным щекам.

– Тихо! – заорал Сергей.

Его голос прозвучал настолько оглушительно, что все неожиданно послушались. Только девочка продолжала мычать заткнутым ртом.

– Тихо, – спокойнее повторил Сергей. – Мы все должны быть спокойнее. Мы все оказались в одинаковом положении. Нам надо быть вместе и думать вместе. Вы, я надеюсь, все уже поняли, как они с нами обращаются и что это может значить? Я, конечно, не могу быть уверен на сто процентов, но, по-моему, нам абсолютно нечего терять. А раз нам нечего терять, мы должны действовать. Действовать вместе. Согласны со мной?

– И что ты предлагаешь? – насмешливо спросил кто-то.

– У нас есть только один выход, насколько я понимаю. Надо перебить их. Всех. И перебраться через границу.

– Ишь ты, какой боевой!...

– Фильмов надо меньше смотреть.

– Сидел бы на жопе ровно...

– И чем же их убивать, кулаками?

– Не пытайтесь втягивать нас во всякие чудовищные авантюры! Я уверен, всё разъяснится. Это... Это, должно быть, просто недоразумение, – заявил липкий административный голос. Голос, вероятно, принадлежал круглолицему лысому мужчине лет пятидесяти, которого посадили в Краснознамённом – вместе с голосистой разноцветной девицей школьного возраста. По пути к грузовику она пыталась заигрывать со спецназовцами.

– Это, конечно, идея, – злой голос дал выговориться остальным, – но в Финляндии нам ничего не светит, даже если мы туда попадём. Тут нас объявят террористами. Потребуют, чтобы нас выдали. И финны нас выдадут. Любая страна выдала бы. С нами сейчас никто не захочет связываться. С Россией, я имею в виду. У нас сейчас обострение государственного достоинства... И потом, если мы перебьём этих засранцев, мы же на самом деле будем террористами. Что мы сможем доказать? Никому мы ничего не докажем.

Сергей стал возражать. В Финляндии ведь тоже... это происходит, сказал он. Они же увидят, что мы все парами. Они должны нам поверить. Они же должны знать, что станции никто не взрывал...

– Откуда ты знаешь? – спросил злой голос. – Думаешь, эти не могут заложить бомбу в ЛАЭС? Для правдоподобия? Думаешь, им жалко? Они же сумасшедшие. У них своя логика. Ты знаешь, как вся Европа завопит, если ЛАЭС действительно грохнуло? Сколько будет сочувствия? Какая начнётся война с терроризмом? Сколько нам надают кредитов? Нам всё сразу простят...

– Что вы несёте?! – взвился административный голос. – Что это за ахинея?!...

– Помолчи!... – рявкнул Сергей. – Они не смогут провернуть такое. Всё же всплывёт. Рано или поздно.

– Вы чем-то не тем увлеклись, – встрял я. – Нас пока ещё в грузовике везут. Неизвестно куда и зачем.

Сергей огрызнулся, я огрызнулся в ответ, злой начал строить предположения о том, как от нас будут избавляться, кто-то попросил его заткнуться, злой огрызнулся, началась ругань, кто-то снова принялся стучать в стенку, слышались женские рыдания, все стали причитать и ругаться в один голос, девочка возобновила крик, кто-то кого-то ударил, кто-то упал на меня, Ленка закрыла руками уши, сжалась, и в этот момент грузовик остановился.

Все, кто стоял, попадали на пол. Страсти мгновенно улеглись.

В моей голове бухало и трещало. Перед глазами, на мерцающем чёрном фоне, дёргались круги. Я боялся, что подступит тошнота. Ленка прикоснулась ко мне.

– Скорей бы открыли дверь, – шепнула она. – Душно.

Она не ждала ничего, кроме свежего воздуха.

Вокруг грузовика зашумели голоса. Армейские ботинки топтались туда-сюда. Трещали какие-то ветки. Ещё одна машина подъехала и остановилась, не глуша мотор.

– Ложитесь на пол! Все, ложитесь на пол! Быстрее! Дальше от выхода! Ложитесь на пол! – надрывно зашипел злой.

Я нашёл Ленкину руку и, согнувшись, пробрался примерно в середину прицепа. Мы легли на спину. Ленка зажмурилась. Судя по звукам, остальные тоже ложились. На нас несколько раз наступили; какая-то женщина исступлённо извинялась, всхлипывая. Административный голос больше не давал о себе знать.

– Закройте глаза и не двигайтесь! Лежите неподвижно! Дальше от выхода!

Подъехавшая машина просигналила. Хлопнули дверцы. Звук мотора сделался выше и начал медленно удаляться. Топтание ботинок прекратилось.

– Ма-ало! – с сомнением протянул кто-то снаружи. – Мало народу у нас. Разбегутся, как зайцы...

Тучный посоветовал ему заткнуться.

Дверь прицепа открылась.

– Выходи по одному!

Я не хотел закрывать глаза, но веки сами сомкнулись от яркого света. Ленка очень неудобно положила правую руку.

– На выход! Разлеглись, бя... На выход! Вставайте!.. Эй, они не шевелятся. Может, сами уже сдохли? Эй, майор, посмотри на них. Они так и должны?...

Тучный выругался.

– Всё может быть, – сказал он, заглядывая в прицеп. – А ну, заберись-ка, погляди, чего с ними.

Ботинки запрыгнули в прицеп и сделали четыре шага.

– Дышат вроде.

– Ну, пиздани как следует и тащи сюда крайнего.

– Так что я, один?...

Его вопрос закончился криком и грохотом падающего тела. Послышалась быстрая возня, на улице свирепо и беспорядочно заорали, пол загремел от ударов. Я поднялся на локтях, открыл глаза и сразу же рухнул обратно, оглушённый выстрелами. В потолке над нами засияли дырки.

– Не стреляй, мудака! Не стреляй!

– ...Я его убью!

Это был злой. Я осторожно приподнял голову. Он стоял на коленях, спиной к нам, вдавив ногу в живот лежащего на полу спецназовца. Снаружи на него смотрели тучный с напарником. Чуть в отдалении стоял второй спецназовец – с автоматом навскидку. Ещё двое человек в серой милицеской форме разевали рты рядом с ним.

– Не стреляйте, ребята, пожалуйста, – безжизненным голосом попросил поверженный.

Ленка открыла глаза.

– Я его убью, – повторил злой негромко. – Кто-нибудь сзади, идите сюда.

– Чего ты хочешь? – спросил тучный. Усталость на его лице усилилась.

Сергей перескочил через нас, встал рядом со злым, наклонился и протянул руку за автоматом. В следующую секунду нам снова пришлось зажмуриться и сжать руки в кулаки, потому что нервы стоявшего снаружи спецназовца не выдержали, и он нажал на курок.

Пули отбросили Сергея назад, и его голова ударила Ленку по ногам. Злой как-то странно прогнулся и неспешно завалился на бок. Ноги лежавшего спецназовца задёргались; он захрипел. Я смотрел на него, не моргая. Мне казалось, что всё это происходит не на самом деле. Когда рука злого сползла с горла спецназовца, я увидел рукоятку отвёртки, торчавшую оттуда. Позади нас стонала женщина.

– Засадил-таки, – отметил тучный, наводя на меня пистолет. – Ну, вылазьте теперь, хватит отлёживаться.

– погоди, – сказал его напарник. – Пускай лучше будут там.

– Думаешь, прямо так? – спросил тучный, глядя мне в глаза. – Машину ж попортим.

– Не нам с тобой машину жалеть... Дай-ка мне автомат, стрелятель.

Спецназовец находился в прострации и никак не отреагировал. Напарник тучного вынул автомат из его опустившихся рук, сменил рожок, что-то проверил и снова подошёл вплотную к прицепу.

– Отойди в сторонку, – сказал он тучному.

Тучный нехотя опустил пистолет и отступил в сторону. Я почувствовал сухую резь в глазах и закрыл их. Ленка закусила губу.

– Этого не может быть, Костя, – сказала она уверенно.

Ей не было страшно.

Автомат выпустил три короткие очереди, следовавшие друг за другом почти без перерыва. Стало очень тихо.

– Вылезайте, – услышали мы. – Вылезайте, не бойтесь.

Ленка встала первой. Осторожно, стараясь не наступать на живых и мёртвых, она подошла к выходу.

Тучный, спецназовец и два милиционера лежали на земле, запутавшись в руках и ногах. Тучный выглядел так, словно он пытался сесть на корточки, но в последний момент потерял равновесие и опрокинулся на спину. Его рука, сжимавшая пистолет, покоилась на вершине обтянутого рубашкой живота; лицо сохранило след вселенской усталости.

Стрелявший бросил автомат, достал свой пистолет из кобуры и пошёл к автобусу. Автобус казался пустым.

В кронах сосен шумел ветер.

0

Его звали Игорь. Его жена гостила у сестры в Израиле. Она прилетела туда две недели назад, но всё ещё не могла привыкнуть к жаре. Днём ей становилось дурно, а иногда и вовсе нехорошо. Три раза она теряла сознание. По вечерам её донимала пульсирующая головная боль. Всё началось с этой боли. Игорь кое-что знал. Он догадался на следующее утро. Позвонил жене и приказал из Израиля не возвращаться. Жена с удовольствием послушалась и осталась. Её удовольствие переполняло Игоря с утра до вечера. Ему постоянно хотелось блаженно улыбаться. Он еле сдерживался.

Никто не спросил у него, почему он решил стрелять в другую сторону. Никому не было интересно.

Нас было шестнадцать. В грузовике остались четыре трупа. Четвёртым был обладатель административного голоса. Он незаметно умер от какого-нибудь сердечного приступа и лежал на боку, недовольно сморщившись. Школьница, которую запихнули в грузовик вместе с ним, вцепилась в свои плечи и не хотела открывать глаза. Пожилому мужчине, который рассказывал нам о смерти жены, пришлось вести её за локоть. Он говорил ей, куда ставить ноги, но она не слушала его и постоянно спотыкалась о корни и сучья. Когда её поднимали, она дрожала и скулила.

Татьяна долго билась в истерике и кричала, что мы должны взять труп Сергея с собой. Игорь отхлестал её по лицу. В кармане водителя автобуса, которого Игорь застрелил уже из пистолета, нашлась фляжка с рябиновой настойкой. Мы с парнем по имени Антон влили в Татьяну половину фляжки. Другую половину мы предложили женщине злого. Её звали Света; она была маленькой и сутулой, с опухшим от слёз крестьянским лицом, но держалась очень спокойно и отказалась от настойки.

Сестра мёртвого мальчика не хотела никуда идти. Мы по очереди несли её на плечах, но километра через два она спрыгнула со своего носильщика и побежала назад, крича и натываясь на стволы деревьев. Мы не пытались её вернуть.

Мы шли очень медленно, часто останавливаясь, чтобы не было отстающих. Между парами то и дело вспыхивали злые беспредметные ссоры. Никто не обращал на них особого внимания, даже сами ссорящиеся. Они орали друг на друга, не переставая идти. Ленка быстро устала; у неё болели ноги. Моя голова продолжала раскалываться. Нам очень хотелось есть.

Вечер был отвратительно светлым и прозрачным. Он плавно превращался в белую ночь. В двенадцатом часу мы добрались до дороги, посыпанной мелким гравием. Мы торопливо пересекли её. Когда школьница с закрытыми глазами и ведущий её мужчина уже сошли с обочины, вдалеке показалась машина. Микроавтобус, заляпанный грязью. Он нёсся на невообразимой для грунтовой дороги скорости. В том месте, где мы переходили дорогу, он начал тормозить. Метров через сорок он остановился и попятился. Я не разобрал, кто начал стрелять первым. Ленка толкнула меня в спину, и я плюхнулся в болотистый подлесок. Ленка плюхнулась рядом. Мы лежали минуты две, слушая стрельбу и крики. Земля пахла сырой гнилью, но лежать всё равно было приятно.

Потом Антон сказал, что можно встать. Пока Ленка отрешённо стряхивала с себя веточки и травинки, я подошёл к трупам школьницы и её пожилого поводыря. Пули разворотили ему череп. Микроавтобус продолжал сбивчиво тарыхтеть. Из открытой задней двери торчал труп в солдатской форме. Игорь и ещё один мужчина, имени которого я не знал, бегом приблизились к микроавтобусу, добились кого-то, сняли с мёртвых оружие и вернулись к нам.

– Они только этих заметили. Больше никого. Повезло нам, – выдохнул Игорь. Его лицо заливал пот.

К тем трём автоматам, которые у нас уже были, прибавились ещё три. Один достался мне. Мужчина с неизвестным именем засунул в мои карманы два запасных рожка, объяснил, куда нажимать и откуда в таком случае вылетают пули, и показал, как всё это безболезненно держать. Я поблагодарил его и покорно перекинул автомат через плечо.

Когда мы пошли дальше, выяснилось, что исчезла Татьяна. Нас осталось двенадцать.

Игорь сказал, что от дороги до границы должно быть не больше трёх километров. Теперь мы шли немного быстрее. Довольно скоро впереди показался просвет. Метрах в ста от края леса мы остановились. Антон вызвался пробраться дальше и осмотреться.

– Там граница? – шёпотом спросила одна из женщин.

– Да, – Игорь присел на землю, подпирая спиной покосившуюся старую сосну.

– И мы что, её перейдём? – женщина недоверчиво посмотрела на него.

– Попробуем.

– А нас... не убьют?

– Убьют, конечно, – уверенно сказала Света. – Нас обязательно всех убьют.

– Зачем ты это говоришь? – сказала Ленка. – Могла бы и промолчать. Всем и так тошно.

Света посмотрела на неё тусклыми полубезумными глазами и отвернулась.

– Последние годы здесь не слишком зорко стерегут, – сказал Игорь. – Наши, во всяком случае. Вот финны, наверно, глядят в оба. Такая жопа у них под боком...

– Они... не отправят нас обратно?

– Не сразу. Сразу не отправят. Кто-нибудь говорит по-английски?...

– Я.

– Я.

– Я. Немножко...

– Я по-фински могу, – сказала девушка Антона.

Со стороны границы раздался собачий лай.

– Стой! – заорал кто-то. – Стой!

Было слышно, как Антон бежит обратно к нам, проламываясь сквозь кусты. Его фигура металась между деревьями.

– Куда же он прямо на нас... – с сожалением протянул Игорь.

Спустя секунду началась стрельба. На этот раз стреляли только они и только в нас. Мне показалось, что открыл огонь целый взвод. Сосны вокруг крошились и осыпали нас опилками. Девушка Антона упала рядом со мной. Несколько коротеньких мгновений она лежала неподвижно; потом закричала и стала извиваться всем телом, колотя руками по корням.

Когда очереди прекратились, собачий лай оказался совсем рядом. Его сопровождали грузные бегущие шаги.

– Их двое. Прямо на нас бегут, – зашипел сбоку Игорь. – Их двое! Они не знают, что у нас оружие. Я считаю до трёх. Поднимаемся и стреляем. Я считаю до трёх. Раз, два, три!

Действуя независимо от самого себя, я вскочил на колени, нажал на спуск и услышал автоматный треск. Это стреляли другие. Я забыл снять своё орудие убийства с предохранителя. Пока я вспоминал, как это делается, остальные отстрелялись. Из-за выщербленного соснового ствола прямо на меня вылетела огромная кавказская овчарка с недружелюбным оскалом. Я отпрянул и всадил в неё весь рожок. Когда патроны кончились, я ещё несколько секунд ходил ходуном вместе с автоматом, упёршись глазами в распотрошённую собачью тушу.

– Побежали! Скорее! Побежали! Бегом! Скорее! Бегом! Вперёд! Бегом!!!

Я швырнул в сторону автомат и поймал Ленкину руку. Ленка потащила меня вперёд. Эйфория бега захватила её. Мы пробежали сквозь остаток леса и стали продираться сквозь невысокий густой кустарник. Впереди, метров через двести, снова начинался лес. Ленка потеряла обувь и бежала босиком, в кровь раздирая ноги обо всё подряд. Я стиснул зубы, чтобы не кричать. Краем глаза я видел других бегущих. Лес приближался. Я ждал контрольно-следовой полосы, знакомой мне по фильмам, виденным тысячу лет назад в детстве. Я уже мысленно видел её перед собой – широкую и рыхлую. Но лес приближался, а полосы нигде не было видно. Деревья, дёргавшиеся из стороны в сторону, надвигались на нас.

Сначала я услышал чей-то голос, кричащий «вертолёт!!!», потом я услышал вертолёт, потом я услышал выстрелы. Мы рванулись вперёд, задыхаясь и сжигая остатки своих сил, и через несколько секунд обогнули первое дерево. В этот момент пуля попала мне в спину, раздробила лопатку и пробила сердце. Я умер мгновенно, но секунду спустя выплыл из топкого чёрного ничто и застыл – словно на гребне внезапно заледеневшей волны. Сосны нетрезво покачивались и падали на меня. Я слабо защищался от них, пытаюсь закрыть голову руками. Потом я поплёлся вперёд, не ощущая своего тела, не ощущая ничего и вдруг ощущая всё – слишком сильно, слишком невыносимо.

Я остановился и обернулся. Она лежала, выбросив руки вперёд, и мне казалось, что я ещё чувствую, как из них уходит тепло. Я хотел подойти к ней, но вдруг оказалось, что я больше не могу ходить. Волна бросала меня вверх-вниз, я терял зрение; когда оно возвращалось ко мне, я смотрел на её тело, непривычно длинное, тонкое, с красным пятном на спине. Потом я всё-таки начал пятиться вглубь леса, часто-часто хлопая ресницами и ощупывая воздух позади себя.

После не поддающегося измерению отрезка времени меня подхватили под руки и ударили в спину. Я услышал слова. Слова были монотонные, непонятные и злые. Я что-то промямлил в ответ. В небе продолжали стрелять. Меня встряхнули и бросили на землю; когда меня начали бить, я зажмурился и попытался свернуться в клубочек.

Чуть позже мне это удалось.

после

Все эти события произошли около года назад. С тех пор в мире вокруг меня довольно многое изменилось. Я слышал о некоторых изменениях. Мне трудно удерживать их в памяти. В России были досрочные выборы; президентом стала какая-то несвежая женщина со вздыбленными волосами; кажется, изменили конституцию и урезали президентские полномочия. После пограничного конфликта с Финляндией в окрестностях Санкт-Петербурга и в самом городе разместили несколько тысяч европейских миротворцев. Область на какое-то неопределённое время перешла под коллективное управление России и Евросоюза. Город отстраивают заново; вместо разрушенного исторического центра получается что-то более жизнерадостное. Я бы хотел вернуться, когда они закончат, но я сомневаюсь, что кого-нибудь из нас

выпустят в свободное плавание. Я отдаю себе отчёт в том, что больше не способен ни на какую общественно-полезную деятельность. Придётся быть иждивенцем на содержании Европейского Сообщества. К концу осени нас должны перевести в специализированный санаторий. Не знаю, где он будет находиться. Они пытаются устроить нам маленький рай на земле. Они делают это очень добросовестно. В те часы, когда я могу связно мыслить и действовать, моя жизнь напоминает мне детство – всё настолько незыблемо и разнообразно. Они пытаются сделать нас полноценными людьми. Иногда мне кажется, что я вижу сдавленное чувство вины в глазах обсуживающего персонала – здесь работают только добровольцы. Я очень благодарен им. Но внутри ничего не меняется.

Я постоянно возвращаюсь к тому моменту. Я падаю сквозь разбухающее время и снова оказываюсь там, и Вселенная стоит на месте и меркнет. Время теряет смысл в любых системах отсчёта. Я чувствую ничто, и меня снова нет, и вдруг я материализуюсь где-то в уголке мироздания. Обычно я нахожу себя на полу, сжавшегося в клубочек, но бывает, что я просто стою, или продолжаю делать то, что делал. Но это реже всего. Я не теряю сознание, как некоторые из нас, я продолжаю думать о ней, даже когда чувствую ничто; как будто она была ещё секунду назад и достаточно сделать один шаг в обратном направлении, чтобы всё снова стало целым. Иногда я оказываюсь в её теле, и они не могут меня ни в чём убедить: её тело помнит рождение ребёнка и видит женские сны, и порой я начинаю думать о себе самом с вождением, а ещё мне очень понравился тот молодой бородатый учёный-норвежец, который работал с нами первые два месяца.

У меня почти нет желаний. Только физиология. Я, как и многие из нас, заставляю себя проявлять интерес к настоящему. Мы собираемся в библиотеке, в холле, в больших комнатах. Мы общаемся друг с другом, с гостями, с родственниками, с учёными, даже с жителями посёлка. Мы ходим на прогулки. Мы играем в жизнь. Иногда я пытаюсь читать. Но чаще я включаю телевизор и сижу напротив него. Волна размывает лица и события. Мир утрачивает подлинность. Я знаю, чего я хочу.

Снова быть вместе.

2000

(во вселенной рассказчика – 2013)

Не люби меня осторожно

Она и правда была очень умной и, конечно, с еврейскими генами, и жила в самом культурном районе культурной столицы, и прочитала все хорошие книги, которые было физически возможно прочитать за двадцать лет, и закончила школу с золотой медалью, и никому не пришлось подтирать ей двойки в журнале и писать за неё выпускное сочинение, потому что двоек у неё никогда не было, а её сочинения экзальтированная учительница литературы читала вслух своим институтским подругам. Подруги ахали и говорили, что и Лотман не копнул бы глубже, и когда она поступила в университет, она стала членом всех профильных научных обществ, и так и не узнала, как делается шпора, и выучила четыре языка вместо двух, и пожилой завкафедрой чувствовал, что все эти душевные годы академических интриг и писанины прошли не впустую, когда видел её в аудитории. Почувствовав это, он сразу начинал бояться за неё, а вдруг она всерьёз и на всю жизнь со всей этой филологией, но он напрасно боялся, потому что она, несмотря на всё внешнее безумие, была нормальной девушкой и не гордилась втайне тем, что знает слово «полисиндетон», а просто знала его и всё.

Она была умна ненавязчиво и легко и всегда мечтала совместить безудержную общественно-научную карьеру с типовым женским счастьем, и даже тот лейтенант, за которого она в конце концов почему-то вышла, не мучился своей интеллектуальной немощью на фоне её ай-кью и устремлений, но в сторону считал всё это простительной бабьей придурью. Ибо она умела готовить не хуже, чем проводить параллели между старо-норвежским и средне-верхне-немецким, и занималась любовью даже с большим энтузиазмом, чем делала доклады на многочисленных —ских чтениях, а что ещё нужно для счастья добротному, уравновешенному лейтенанту, да и в целом человеку. Но всё это произошло потом, после, позднее, спустя месяцы и годы, когда мне стало настолько всё равно, что я старательно впечатал случившееся в компьютер, словно оно случилось прямо со мной.

Я написал, что её звали Таня, и это было правдой ровно наполовину, а всё остальное было бы правдой на девяносто девять и более процентов, если бы минус я.

И вот я, который не я, знал её ровно два года – с октября до октября – и любил при встрече перебрасываться какими-то репликами, чтобы увидеть, как она ослепительно улыбнётся и окатит меня взглядом. У неё была совершенно нерусская улыбка и мягкий взгляд. Я смотрел, как Таня приближается – лукаво, достойно и осмысленно – и мне представлялось, что её жизнь нарезана аккуратными, уверенными дольками и выложена на длинное блюдо, затерянное в облаках и оксбриджах. На самом деле всё было прозаичней и отечественней, но всё равно хотелось надкусить пару долек, да только жизнь была кем-то / чем-то наполнена, и одно было важнее и неотложней другого, хотя и абсолютная фигня в действительности.

Один день в тогдашнем октябре выдался безумно солнечный и просматриваемый насквозь, в универе находился высокий и толстый гость из министерства образования, и ничего не надо было делать, и я пошёл ходить по самому культурному району в центростремительных направлениях, потому что она жила в его центре. В то время я лишь эпизодически торговал своей жизнью, то есть работал, и наличность не росла в моих карманах, и меня не отягощало желание прийти к ней с цветами-подарком. Я хотел лишь того, что мог, но я был бесконечно молод и мог почти всё. Опьянённый всемогуществом, я вошёл в её подъезд и поднялся по чистой лестнице, как будто не в России, а в европейской нереальности. Таня открыла мне, и вот, я переступил первый порог и прошёл среди шкафчиков, велосипедов, лыж и соседских дверей, и переступил второй порог, а она шла позади и запирала двери.

Сразу налево была кухня, как ей и следует быть. В кухне было много места и чисто, и посудомоечный агрегат, и древесные шкафчики с надписями «Бакалея», «Специи», «Соления», «Бабушкино творчество», и я спросил, а где же шкафчик «Приворотные зелья» или, ска-

жем, «Философские камни», но Таня только – о-о-о! – улыбнулась и спросила, буду ли я есть. Вы знаете мой ответ на этот вопрос, особенно тогда, и Таня принялась доставать и разогревать, а на стене – рядом с календарём «Майя Плисецкая» – бубнило «Радио Петербург», которое по проводам, и по нему передавали шуточную пьесу для четырёх фаготов, но потом смилостивились и заговорили про архитектора с большой буквы Воронихина и его вклад в каменную духовность конец цитаты Санкт-Петербурга.

Тарелки и столовые приборы и салфетки и какие-то соусы на выбор все разом оказались передо мной. Еда дымилась и была очень вкусной, точнее, неповторимо вкусной, потому что Таня пила чай напротив и вела со мной разговор почти ни о чём, во время которого она улыбалась и видела меня насквозь – до самых дниц и поддонков, где я не очень скрывал своё желание любить её откровенно и сразу же. Она видела меня насквозь, но не подавала вида, и это бесконечное бессмысленное небо знает, насколько сильнее я от этого хотел целовать, целовать, целовать её на той образцово-показательной кухне в тот сказочный осенний день, когда все парки в округе были увешаны золотыми листьями и, как писала в своём сочинении очередная отличница, вспоминали молодого вихрастого Пушкина.

Молодой вихрастый я, которого никогда не вспомнят деревья, сказал «спасибо» и изобразил порыв мыть посуду. Когда Таня помыла её, я предложил пойти в недремлющие парки, но она вежливо вспомнила, что я пишу песни, а потом пою их, и попросила меня спеть. Ты уверена, что это необходимо, спросил я, радостно и мучительно отбирая про себя песню, которая показала бы ей, какой я тонкий мелодист и как глубоко и непошло я чувствую восхитительную горечь человеческого бытия. И она провела меня – за руку и прямо в комнату, где – ха ха ха – не было никакой банальной гитары, только старое фортепьяно, благородное как лорд Честерфилд, и я возненавидел себя за то, что в шесть лет скривил свою мерзкую детскую физиономию и дал понять маме, что музыкальная школа может быть только через мой трупик, а ведь я же подобрал на слух «Чижика-Пыжика», и седовласый краснолицый учитель отметил мой несомненный потенциал. О гром и молния, я бездарно упустил свой шанс умело сесть на круглую табуретку и пробежаться длинными интеллектуальными пальцами по желтеющим клавишам, и скромно сказать ей, что все лучшие песни написали и напишут без меня, и после этого спеть My Funny Valentine – для нагнетания, и Besa me mucho – для разрядки обстановки.

Я виновато засмеялся и рассказал Тане про «Чижика-Пыжика», и у меня отлегло от сердца, когда засмеялась и она. И мы снова прошли мимо лыж и соседских дверей, спустились по ступенькам чистого подъезда и вышли в залитую солнцем болдинскую осень и рай на земле. В раю на земле люди со светлыми лицами шли во все стороны по возвышенным делам, бездомные псы постигали на увядающих лужайках природу Будды, дворники не смедали с тротуаров листья и пакеты из-под чипсов из любви к прекрасному, и даже школьник с драным рюкзаком писал на заборе рядом со стройкой не слово «хуй», а загадочную фразу «Хряпу жрать будет Стоптыш». В раю на земле хотелось говорить о боге и о любви, и мы поговорили о боге, и пришли к согласию относительно его отсутствия, и мы поговорили о любви, и пришли к одному из недремлющих парков. По случаю среды и начала дня парк был пуст и, казалось, всё-таки дремал. Мы вошли в парк, и я сказал себе, что должен поцеловать её, прежде чем мы выйдем из него, и на каждом дереве было написано, что на свете нет более осуществимого плана и более адекватных притязаний.

Мы продолжили говорить о любви, и я сказал Тане, что она же всё понимает, и она сказала, что нет, ничего не понимает, и в связи с этим мы взялись за руки, и очень некстати выяснилось, что я интересная личность. Несколько минут я поспешно соображал, что же именно во мне напоминает интересную личность и как плавно перейти к неинтересным поцелуям, не потеряв столь высокого статуса, и от этого наш разговор как-то отвердел и съёжился, но при этом мы дошли до мостика и очередного пруда.

Мы стояли на мостике и видели, что пруд и небо можно поменять местами, и я предложил обойти пруд – по ещё цветной листве, по мягкой земле вдоль кромки сверкающей воды, по сбегающим к воде корням верящих в меня деревьев. Мы обошли пруд, и оказались лицом к солнцу, и я присел на толстый корень и жмурился на солнце, пока Таня ходила в туалет в отдалённые кусты. На ветках щебетало что-то ещё не улетевшее на юг, и когда я услышал возвращающиеся шаги, я спросил у Тани, помнит ли она, помимо всего прочего, наизусть всю зоологию, и если да, то мне интересно, какие птицы, в какой последовательности и куда именно улетаются от нас на юг. Таня сказала, что слухи о её энциклопедичности сильно преувеличены, и, подойдя ко мне, почти неощутимым движением руки взъерошила мои волосы.

В двадцатке моих лучших воспоминаний это прикосновение кочует между третьим и восьмым местом.

Она была моей третьей или шестой девушкой, смотря что считать главным критерием, и я уже не был так несобран и безумен, и я понимал, что мужчина плюс женщина – это не ради эмоций, а ради хороших эмоций, во всяком случае, пока тебе двадцать лет. Возможно, Таня была согласна со мной, но она не могла согласиться со мной на практике, и мы были вместе прерывисто, таинственно и словно вопреки всему и всем на свете. Это мешало моим хорошим эмоциям развернуться, и я спрашивал её, чего ты хочешь от наших отношений, неужели свадьбы и детей, неужели в этом зыбком мире я нужен тебе для строительства очагов, а не для того, что им так коротко и прекрасно предшествует. Она отвечала мне очень по-человечески и по-женски, то есть не отвечала вообще, а просто говорила как будто на ту же тему, но не про нас, а про абстрактные миллионы каких-то других, и что жизнью надо распоряжаться осторожно, и что я такой разноцветный и радужный, а она одноцветная и чуть ли не серая, и всё это в самом конце двадцатого века.

And so it came to pass что незадолго до Нового года, вокруг которого всё всегда происходит, я решил произвести прояснение отношений и деликатно извлёк Таню из дома, чтобы привести в сомнительное кафе. Я даже имел по этому случаю деньги, которых без лихвы хватило на пять бутылок тёмного пива и сопроводительные фисташки, и мы сели за круглый столик и заговорили за жизнь. У юных мужиков в соседнем зале заканчивался рабочий день, и было «Радио Балтика», и мне хотелось, чтобы Таня чувствовала – вместе со мной, – как всё утекает сквозь пальцы и стрелки, как молодость превращается в игру в молодость и как нетвёрдая земля дрожит под ногами, и при помощи пива мне удалось добиться последнего.

Я проводил её домой по фиолетовому ночному гололёду, проясняя уже непонятно что, и она качала головой и с трудом выговаривала непостижимые сомнения, и мы целовались в чистом подъезде, а потом произошёл Новый год, но больше ничего не произошло, и я больше никогда не зашёл к ней.

Таня, я давно не видел тебя, но это значит, что ты тоже давно не видела меня, и это хорошо, что ты не видела облысевшее, отравившее живот существо, в которое я успешно эволюционировал. Я увеличился в диаметре и стал столпиком общества, и под моим началом работают восемнадцать человек, и я умею растягивать утренние пятиминутки до самого ланч-брейка профессиональными байками из личного опыта. Когда благополучие заедает меня, я надуваюсь гадким слезливым пафосом и пишу рассказы или мучаю старых друзей, но это мой почти единственный недостаток, и поэтому моя жена уважает меня, гордится мной и почти не изменяет мне, восьмилетняя дочь ездит на каникулы в Кембридж и смотрит Гарри Поттера без перевода, и я безнадежно доволен собой и по самое не могу исполнен стабильности и осторожности, которых ты зачем-то от меня хотела.

Но это, разумеется, был не я.

Говорим по-итальянски

Роберто – итальянец, это и коту понятно. Его фамилия – Мариани. Однажды он завалял экзамен на аттестат зрелости, не поступил в университет и не стал юристом. Кроме того, Роберто не стал медиком, преподавателем, инженером, журналистом, а также представителем ряда других квалифицированных профессий, итальянские названия которых ласкают слух.

В итальянском, как известно, все названия ласкают слух. Даже если сказать «Роберто ни хера не зарабатывает», всё равно получится красиво: (безударные гласные произносите отчётливо) Роберто нон гуаданья ун каццо.

Несмотря на то, что это не совсем правда. Полгода назад Роберто вернулся из армии и сразу устроился продавцом в магазин бытовых электроприборов. Не очень большие, но всё-таки деньги, причём евро. Четыре месяца он ходил в белой рубашке среди сверкающих холодильников, а потом наступило лето. Лето, как сказал Евгений Гришковец, это такая штука... Его надо обязательно провести. С одной стороны, если ты уже в Италии, то ехать как бы куда и не надо. Но это безнадёжно российское представление. Естественно, Родина томит итальянцев. Родина томит даже норвежцев, которые на первом месте в мире по уровню жизни.

Находясь среди холодильников, Роберто прочитал в переводе модный британский роман про отдых на Ибице. В романе описывалось, как тысячи прикольных молодых людей и девушек пьют спиртные напитки, глотают безобидные наркотические препараты и без конца живут беспорядочной половой жизнью, причём всегда в презервативах. Потом возвращаются домой, обновлённые. Если вам двадцать один, но эта картина не привела вас в мечтательное настроение, то надо где-нибудь провериться.

Роберто не нуждается в проверке, потому что мечтал каждый рабочий и нерабочий день. И вот настало лето, но денег от этого не прибавилось. Роберто понял, что Ибицу в этом году не потянет, по крайней мере, в качестве прикольного молодого туриста. Но вы же знаете, есть другие варианты. Даже я, например, работал однажды физруком в детском оздоровительном лагере в Анапе. Сказал, что лыжник по специальности. Днём лицедействовал, ночью полноценно жил. Без наркотических препаратов, правда. И Роберто тоже сразу подумал, не поехать ли на Ибицу в качестве прикольного молодого бармена или спасателя.

Замыслы с размахом (пер. Б. Пастернака) гибнут не только от долгих отлагательств, но также в силу организационных трудностей. Особенно если есть параллельный вариант, без трудностей. У приятеля Роберто, например, есть двоюродный дядя, который живёт на Крите. Живёт и имеет там пять ресторанов «Зорба», один ресторан «Грек Зорба» и две таверны «Танец Зорбы». А также русский ресторан «Тройка» непосредственно в Ираклионе. Кроме того, несколько летних баров в тургородках вдоль побережья.

В частности, в Малии. Малия – это набережная и улица. Там не живут люди, только туристы. Тем более летом.

Здания расположены по следующей схеме: гостиница – бар / ресторан – ювелирный магазин – сувенирная лавка – дискотека – гостиница – бар / ресторан – ювелирный магазин и т. д. на протяжении двух километров.

В баре, где работает Роберто, постоянно сидят англичане. Они смотрят футбол и пьют. Вот сегодня вечером, например, Фулхэм играет против, страшно сказать, МААААН!!! UNAAAAAATED!!! Англичане молодые, не очень молодые, шумные, пьяные, многие только что купались – в шортах и футболках с Фестским диском. Матч они смотрят прямо так, мокрые. Роберто оглох, вспотел и для разнообразия болеет за Фулхэм, который неожиданно побеждает. Разражается полный пандемониум, причём Ворд извещает меня, что такого слова в русском нет, но пусть оно пока будет. Красивое слово.

Англичане выбегают на улицу, стихийно перегораживают её и раскачивают проходящий зелёный автобус, от радости. Роберто и Маурицио, дополнительный итальянец, на время покидают стойку. Они стоят в дверях бара и с восхищением смотрят на действия англичан.

В два часа ночи Роберто наливает последнюю пинту. Он, вообще-то, очень устал, но сейчас они с Маурицио искупаются в ночном море, ополоснутся под холодным пляжным душем и по дороге столкнутся с двумя девочками. Когда я говорю «столкнутся», я абсолютно буквален, потому что Маурицио сворачивал за угол и врезался прямо в мягкое, длинноволосое и приятно пахнущее, то есть в Веронику.

Другую девочку, между тем, зовут Лена. Она тоже очень приятно пахнет (летом, молодостью, красным вином из медного карафа, морем и вполне сносной косметикой), только волосы у неё немного короче, и она не настолько мягкая. Потому что Вероника могла бы, например, и диету какую-нибудь соблюдать, ей бы это не помешало.

Тут следует пояснить, что девочкам по восемнадцать лет, и наиболее важна для нас Лена. Если Лена покупает диск Ронана Китинга, то Вероника тут же заходит в соседний торговый центр и покупает такой же, хотя и старается этого не афишировать. Мальчики тоже сначала нравятся Лене, недолго, а потом уже они нравятся Веронике. Хотя сама Вероника им не очень. Это грустно, но естественно, так как Лена не только стройней, но также симпатичней и умней, а британскую попсу она слушает, потому что в этом нет ничего плохого, даже если вы до сих пор думали иначе. Плохое есть совсем в других вещах.

Далее. Сейчас август, а позади у Лены и Вероники первый курс юридического факультета. Если бы Лена (и, соответственно, Вероника) родилась лет на семь пораньше, то ей, возможно, довелось бы любить песню петербургской группы «Сплин» про далёкую от народа девушку, которая ходила голой на лестницу и улицу, хотела повеситься, но помешали сессия и институт в целом.

Лена никогда бы не пошла голой на лестницу, не говоря уже об улице, но у неё тоже состоятельные родители, сложный темперамент и преждевременное пресыщение действительностью. Весь первый курс, особенно зимой, когда световой день чрезвычайно короток, Лену преследовала депрессия, и от этого в неё влюбилось в два раза больше юношей, чем за тот же период предыдущего года. Когда у Лены депрессия, она напряжённо смотрит чуть влево, хлопая ресницами, и отвечает односложно. Это ей очень идёт, поверьте мне на слово.

Родители Лены и Вероники полетели соответственно на Антильские о-ва и в Кушадасы. Но девочки, согласно российскому законодательству, уже достигли совершеннолетия; у них даже есть право голоса. Довольно никчёмное в России право, но не в этом дело. Девочки с родителями не полетели, а полетели, как мы уже понимаем, на Крит.

Маурицио, напомним, столкнулся с Вероникой, и вполне естественно, что между ними быстро установилась взаимная симпатия. Сначала, конечно, они познакомились. Роберто и Лена познакомились заодно. На следующую ночь у итальянцев был выходной, так что все встретились перед закатом и пошли на одну из пляжных дискотек. Там Роберто предложил Лене сигарету, но она поморщилась и сказала, что не курит. Тогда как Маурицио и Вероника сразу же выкурили по три сигареты, выпили, потанцевали и вскоре начали целоваться. Вероника, кстати, всегда говорит, что курит ради фигуры, но поскольку это единственное, что она делает ради фигуры, то на фигуру это никак не влияет.

Здесь особенно ярко проявилась существенная разница между натурами Лены и Вероники. Я имею в виду, Роберто так вот сразу не удалось покорить центральную нервную систему Лены (вспомните о сложном темпераменте, пресыщенности и т. д.) Получилось это у него только часа через полтора, когда ЦНС стала утрачивать контроль над Леной в пользу системы более периферийной.

Рыба, как известно, гниёт с головы, но женщина – это не рыба, скажу я вам. Женщина вообще вершина эволюции, и на мякине её не проведёшь, но в каждой женщине есть своя

пятая колонна, которую принято называть «сердце». Поэтому завоёвывать женщину с головы бесполезно. Эта истина так убелена сединами, что её знает даже Роберто. По крайней мере, интуитивно.

Через две смены (Тоттенхэм – Арсенал 1:2; Челси – Брайтон 3:0) у всех четверых была следующая ночь, но уже, в основном, в разных местах. Вероника сначала вернулась с Маурисио в гостиницу, а потом они снова пошли на дискотеку. В целом неплохо, но у Роберто и Лены вышло значительно романтичнее. У Роберто был взятый напрокат мопед, и они поехали из Малии на восток. Совсем недалеко, километров пять. Там есть раскопки минойского города, из которого три с половиной тысячи лет назад что-нибудь возили на осликах в Кносс.

Раскопки, конечно, за забором и даже под крышей, я их просто так вспомнил. А за раскопками, если чуть дальше проехать прямо по камням и кустам, такой разъединенный водой каменный берег и ещё дальше вправо пляж какого-то пансионата. А прямо напротив пляжа – маленький остров, то есть скала, торчащая из воды. Лена и Роберто разделись и поплыли к острову, причём прибой там довольно сильный, к тому же было темно и везде потенциально опасные шершавые камни. Лена громко визжала и то и дело грозила захлебнуться; Роберто плавал вокруг и нагонял на неё страху.

В пансионате же в ту ночь происходило особенное развлекательное буйство. На пляже стояли и танцевали люди, звучала музыка, в бухте раскачивалась из стороны в сторону иллюминированная яхта. И вот, когда Роберто и Лена, задыхаясь от плавания и смеха, только-только начали выкарабкиваться на шершавый остров, по всему этому острову рванули фейерверки. Я ничего не придумываю, это честно так было, можете справиться в пансионате – они каждый сезон так делают, неоднократно. Фейерверки очень красиво взмыли в эгейское небо над Эгейским морем. Я сознательно не буду писать ничего более восторженного, чем «очень красиво», ибо если вы не понимаете, насколько это было красиво для Лены в тот момент, то что же вы тогда вообще понимаете.

Когда фейерверки затихли, Лена и Роберто взобрались на остров и обнаружили там группу молодых людей, которые налили им виноградной водки и дали сигареты. Потом они сидели на острых камнях, спиной к Криту. Лена курила, кашляла, и ей было щекотно, когда Роберто целовал её шею.

Лена, как вы понимаете, будет довольно отчётливо помнить эту ночь на протяжении всей жизни.

Но перенесёмся в неизбежную осень. Лена с Вероникой сидят у Вероники дома, смотрят в окно и курят. У Вероники очень хорошая квартира, отчего город за окном кажется ещё невыносимей. Первая и четвёртая пары сегодня были пропущены в связи с депрессией. Звучит баллада в исполнении Эроса Рамазотти. На столе стоит плохо сваренный кофе. Через полчаса Лена встаёт и идёт на курсы итальянского.

– Аллора... Аллора... Ти соно дивертито... ой, ти сэй дивертито... ой, ты же женский род, значит... Ти сэй дивертита ин vacanza? – спрашивает её соседка по парте.

(В полном соответствии с методикой преподавания иностранных языков, после фронтальной работы происходит дальнейшая отработка нового материала в парах.)

– Си, говорит Лена. А фатто кальдо тутто иль темпо. Ио э ла миа амика андавамо ин дискотека оны сера. Аббьямо пассато дуэ сеттимане ступенде. Что там ещё можно сказать?...

В этом году, помимо депрессии и университета, у неё есть сигареты и итальянский. Она курит только два раза в неделю, у Вероники, чтобы не притупить воспоминания. И два раза в неделю ходит на курсы итальянского. Когда она учит итальянский, ей кажется, что она действует, что она делает всё, что в её силах. Бездействие было бы невыносимо. Роберто перестал писать ей, но она всё ещё собирается в Италию, в апреле. Могу вам сообщить, что она не поедет в Италию ни в апреле, ни вообще в ближайшие двенадцать лет. Кроме того, она бросит курсы итальянского в конце февраля и скоро забудет почти всё, что выучила.

В Италию поедет Миша.

Фамилия у Миши – Иванов. Это не стереотип и не отсутствие у меня фантазии. Ивановых действительно много, и Миша один из них. Классическая русская литература описала бы его, как «недурного собой, но несколько суетливого молодого человека с чрезвычайно живыми глазами и большой головой, как будто бы не находящей себе места на тонкой длинной шее». (Когда подобное пишут в начале XXI века, меня передёргивает, поэтому такая вот нехитрая уловка.)

Когда Миша впервые обратился к Лене с вопросом, она ответила ему односложно, глядя чуть влево. Она была в депрессии. Впрочем, Миша тогда развёрнутого ответа не ожидал, поскольку спросил «Вы ко мне?» и, соответственно, услышал «нет». Миша учится на дизайнера и работает парикмахером. Дело происходило в салоне красоты и прошлой осенью.

Лена тогда ходила к другому мастеру. Миша видел её очень редко, но к весне судьба улыбнулась ему, и другой мастер уволился, чтобы стать домохозяйкой (по имени Катя). Миша уговорил Катю порекомендовать его Лене; надеюсь, вы не запутались. Вообще говоря, в жизни Мише нравились (и продолжают нравиться) многие вещи, например, история древнего мира и трёхмерное моделирование. Ещё у Миши было две с половиной девушки (точнее даже две и три четверти, ведь с той дробной они всё-таки встречались почти три месяца и однажды ночью всё почти-почти случилось; в общем, для пятнадцати лет это можно зачесть за девушку; сейчас Мише двадцать два, кстати), и они ему тоже нравились, иногда очень сильно.

Но всё померкло в сравнении с теми днями, когда он стриг Лену, по предварительной договорённости. Обычно Лена приходила в половине пятого или в пять. С самого утра Миша начинал последовательно чувствовать все те вещи, которые у Сент-Экзюпери чувствует прирученный Лис, ожидающий прихода Маленького Принца (и которые в детстве казались мне такими непонятными и неправдоподобными). Он приходил на работу в четыре, и до Лены обычно успевал постричь от одного до трёх клиентов, причём всех плохо, поскольку был слишком счастлив и взволнован для любой деятельности, требующей навыка и внимания. Самое странное, что, как только появлялась Лена, он успокаивался и принимал смутно снисходительный профессиональный вид, отпускал выверенные шуточные замечания и выполнял свою работу в целом великолепно. Точнее, так всё выглядело со стороны. Внутри Миша, естественно, мучился каждым сказанным словом и думал, что руки у него безусловно растут из задницы.

Вернувшись с Крита, Лена первым делом решила постричься. Роберто как-то обронил, что ему нравятся короткие волосы. Лена вошла в салон, села в кресло и отразилась в зеркале. На лице Лены, в свою очередь, всё ещё отражались фейерверки на щербатом острове, ночное эгейское небо, многочисленные оргазмы и нарастающее опустошение. Если на лице красивой женщины отражаются такие вещи, сопротивляться вообще бесполезно. Нужно садиться и писать имэйл, начинающийся со слов «Предвижу всё...». То есть сразу сделать наибольшую глупость из всех возможных, чтобы потом уже прогрессировать было некуда. И можно было забыть всё, как страшный сон.

Вот такой я умный задним умом. И Миша был умный тем же образом. Он пригласил Лену на состязание парикмахеров со своим участием и даже занял третье место, потому что она согласилась. Потом он её ещё три раза приглашал в разные места. После этого она перестала соглашаться, потому что при четвёртой встрече Миша, сияя, объявил, что тоже стал учить итальянский и тоже хочет весной поехать в Италию. Лене сначала захотелось его ударить. Вслед за этим было тихое отвращение. И такое чувство, как будто у неё украли что-то очень ценное, важное и единственное. С тех пор её интерес к итальянскому (но не к Роберто и сигаретам) постепенно гаснет и, как уже говорилось, иссякнет в конце февраля.

Миша же продолжает заниматься итальянским почти каждый день. Он тоже ходит на курсы (только на другие), два раза в неделю, и в придачу к этому довольно много занима-

ется дома. Когда он учит итальянский, ему кажется, что он действует, что он делает всё, что в его силах. Бездействие было бы невыносимо. Лена перестала стричься у него, и он уволился из салона и устроился в компанию, торгующую элитной сантехникой, но в конце апреля он всё-таки поедет в Италию, и десять дней будет говорить по-итальянски с продавцами и официантами, потом вернётся, познакомится со своей будущей женой и после этого забросит итальянский навсегда, так и не добравшись до слова *pietoso*, четырёх форм *congiuntivo* и даже до спряжения правильных глаголов в *passato remoto*.

До них доберётся Аня.

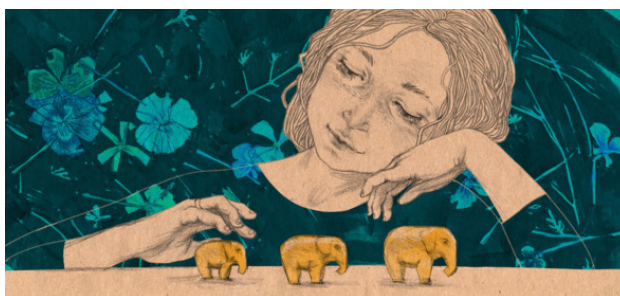
Аня явно дурна собой, безо всяких оговорок и пояснений. Не уродлива, но дурна. Она учится в одном вузе с Мишей, на курс младше. На одном общеуниверситетском мероприятии она даже познакомилась с ним. Она знает девочек из Мишиной группы, и это позволяет ей бывать неподалёку от него. Аня любит ходить в университет; ей нравится ехать в метро, идти по обледелым плиткам вдоль ограды парка, подниматься по истоптанным лестницам, медленно шагать по коридорам на переменах. Он может в любой момент появиться откуда-нибудь. Хотя, конечно, довольно редко бывает в университете. К девочкам из его группы Аня испытывает пресловутую смесь любви и ненависти. Любви в этой смеси, пожалуй, больше. Огорчает только, что это Мишин последний год.

Аня узнала, что Миша принялся учить итальянский, несколько дней назад и ещё не успела записаться ни на какие курсы. Но она уже купила один неплохой аудиокурс и справочник по грамматике. Сразу после Нового года она всерьёз возьмётся за дело. Бездействие было бы невыносимо. Характерно, что она долго не будет никому говорить о том, что учит итальянский. Мише – никогда.

Через полтора года она уже будет достаточно бегло говорить по-итальянски и с ходу переводить маме песни Челентано. Этим, однако, дело совсем не ограничится. Ещё через полгода она сумеет устроиться секретарём в итальянское консульство. Благодаря работе она познакомится с Элио, сорокалетним преподавателем русского языка и законченным русофилом из Пизы. Постепенно их дружеские отношения перерастут в предбрачные. После свадьбы Аня переедет в Италию.

Что касается Роберто, то он до конца своих дней будет помнить русские выражения «я тебя люблю» и «жопа», которым его научила Лена. Дальше этого дело не зайдёт.

2005

Последний рассказ о любви

Несколько минут, прежде чем набрать на домофоне номер квартиры, я стою во дворе, спиной к подъезду, почти не двигаясь. Здание напротив – наполовину глухая стена, наполовину огромные чёрные окна, это не похоже на жилой дом, но со всех остальных сторон горят прямоугольники оранжевого света. В большинстве прямоугольников висят занавески и стоят цветы. В одном дремлет рыжая кошка. Из открытых форточек доносится музыка и вечернее бормотание телевизоров.

Через низкую арку, то есть подворотню, въезжает машина. Из неё выходят две женщины. Пока оставшийся в машине мужчина осторожно пристраивает её рядом с присыпанным листьями ауди, женщины переговариваются у подъезда. Они были в гостях. Я не курю; мне абсолютно нечем оправдать своё стояние. Я чувствую себя неловко, бессмысленно иду в другой конец двора, возвращаюсь. Мне стыдно за то, что я люблю стоять в пустых октябрьских дворах. Одна из женщин две-три секунды смотрит в мою сторону. Я поспешно бросаю деловой взгляд на часы.

Наконец все трое заходят в подъезд. Я выжидаю ещё минуту, подхожу к домофону, набираю номер.

Володя широко улыбается, открывая мне дверь. Воздух в квартире немного пахнет собакой, но этот запах смешан с другими, приятными, и почти не раздражает, а через три минуты я уже окончательно привыкну и перестану его замечать. Сама собака вежливо и недолго лает, крутится под ногами и убегает на кухню.

– Там Даша ещё не совсем всё, – извиняющимся тоном говорит Володя. – Доделывает рагу. Проходи в комнату пока.

Он показывает мне полки с книгами. Значительную часть полок занимают два полных собрания сочинений Курта Воннегута – на русском и в оригинале. Я сознаюсь, что читал Воннегута, когда мне было 13 лет, и что мне не понравилось. Выясняется, что мой гражданский долг – прочитать хотя бы «Бойню №5»; Володя не глядя выуживает с полки приятно тонкий на вид пэйпербэк и без лишней рекламы протягивает мне. С ещё большим воодушевлением он демонстрирует угрожающую коллекцию винила и дисков.

– Тут, в основном, классический джаз, – его голос снова звучит немного виновато. – Немного джаз-рока тоже, конечно, но только самое известное... Ну и так ещё, по мелочам. У нас такие... Традиционные вкусы...

Таким образом, я вижу перед собой пять длинных полок классического джаза и джаз-рока. самого известного.

– Классический джаз – это стильно, – неубедительно говорю я и размышляю, относится ли к классическому джазу Диззи Гиллеспи, диск которого откуда-то есть у меня дома. В конце концов я решаю не рисковать.

Однако беседа требует поддержания.

– А тут есть Генри Коуэлл? – отваживаюсь я.

Володя смотрит на меня и, судя по его взгляду, вдруг замечает во мне доселе неведомые глубины.

– Ну, тот, который ввёл в свои произведения тончайшую сонористику, четвертитонные звучания, мелизмы и ударные эффекты, заимствованные из китайской музыки, – углубляю я глубины.

– Я бы не сказал, что Коуэлл очень джазовый композитор, – через несколько секунд всё-таки замечает Володя.

Я смеюсь.

– Тебе видней. Я его никогда не слышал. У родителей дома книга всю жизнь валялась, «Рождение джаза». Я её не читал, конечно. Я её однажды открыл только, в произвольном месте. Там эта фраза была. Сильная фраза, по-моему. Я её сразу запомнил. Мне «мелизмы» особенно нравятся. Что это такое, до сих пор не знаю.

Володя вежливо улыбается.

В левом углу верхней полки, рядом с Малером, Дебюсси и Бартоком, стоят два диска непростительно популярного конъюнктурщика Шопена. Чтобы как-то сгладить момент, я предлагаю поставить Шопена и перевожу разговор на тему минувших отпусков. Володя и Даша провели свой последний отпуск в Риге. Это красивый город. Правда, совсем миниатюрный. Но там хорошие кофейни. И очень приличная джазовая сцена.

Я говорю, что собираюсь побывать в Риге следующей весной, и мы переходим на кухню.

Даша, в слегка перепачканном переднике, кладёт на стол последние ножи и вилки. Она не кажется мне красивой, но это, вероятнее всего, свидетельство моего дурного вкуса. У неё короткие льняные волосы, приятная улыбка, немножко насмешливый взгляд, изящный острый нос, изящные тонкие пальцы.

– А накладывать у нас будет Владимир Михайлович, – у неё выразительный, хотя и несколько сиплый голос.

Смеясь, Даша снимает с себя передник и повязывает его Володе.

Мы едим приготовленное Дашей рагу, мы пьём чай с испечённым Володей миндальным печеньем, мы разливаем по бокалам принесённое мною вино.

Володя и Даша женаты уже больше двух лет. Они учились в параллельных группах, сошлись в конце четвёртого курса, год жили у Володиных родителей, поженились после защиты диплома, сняли квартиру, оба работают PR-менеджерами, завели собаку. Не пуделя. Они сдержанно, но очевидно обожают друг друга, хотя обожание со стороны Володи несколько менее сдержанно и несколько более очевидно. Но это, похоже, является неотъемлемой частью порядка вещей. Они почти не говорят по-отдельности; их слова дополняют друг друга, даже когда они в чём-то не согласны. Не согласны они, в частности, по вопросу о Диззи Гиллеспи, который я в конце концов затрагиваю. Высказав аргументированные противоположные мнения, они обмениваются парой реплик, которые кажутся мне ехидными. Но я не уверен в верности своего восприятия.

После разговора о Диззи Гиллеспи я предлагаю тост за непреходящее семейное счастье хозяев.

Вслед за этим тостом происходит страшное и неизбежное: мне задают тактично-шутливый вопрос о моей личной жизни.

– Какие у тебя последние известия с личного фронта? – спрашивает Володя.

Две пары глаз с воспитанным любопытством смотрят на меня.

– Очередное крупномасштабное отступление, – в тон отвечаю я.

Володя первый раз пригласил меня зайти к ним больше года назад. С тех пор я три раза говорил ему, что вот у меня тут появилась наконец замечательная девушка, вот мы с ней сейчас совсем войдём в духовное родство и взаимодополним друг друга, и сразу же появимся у вас, но время шло, а взаимодополниться ни с кем не получилось. Не всем же так, думаю я. Везёт. В параллельных группах и сразу судьба. Свадьба после диплома и семейная страсть на пяти полках. PR на двоих и сдержанное взаимное обожание. Кому-то приходится и методом тыка, извините за пошлость. Наугад. Через пень-колоду. По велению сердца, извините за непростительную пошлость. Да и вообще, как всем известно, некоторые женятся, а некоторые так. Женятся позже.

Я пытаюсь по-светски донести эту мысль до хозяев, но мои слова звучат кощунством в моих же ушах. Как можно размениваться на что-нибудь, кроме судьбы? спрашивают меня два воспитанных взгляда, запах миндаля, подаренный на свадьбу чайный сервиз, не-пудель

и не снятый Володей передник. Как можно тратить главное чувство своей жизни и дальше по тексту на кого попало? Залезая глубже в моё недостойное прошлое, как можно ставить крест на достигнутом и отказываться от синицы длиной в два года? Ради необъезженной синицы в небе? Нет, молодой человек, вы тут нам не рассказывайте пошлости про веление сердца. Знаем мы, как это называется. Минус маленькие, старые и не в вашем дурном вкусе, остаётся миллионов пятьсот – всех не перекак-бы-это-сказать. Молодость, молодой человек, не вечна. Извольте повзрослеть.

Я обречённо продолжаю шутить, оправдывая свой незрелый образ жизни, но спотыкаюсь о собственные слова. Мне очень хочется встать из-за стола и убежать. К всеобщему счастью, в предпоследний момент звонит телефон. Володя отвечает на звонок, я иду в туалет, возвращаюсь и меняю тему. То есть, я с ходу сообщаю Даше, что Володя задал мне на дом «Бойню №5», она говорит, там великолепно описана бомбардировка Дрездена, я говорю, а я на днях читал мемуары наполеоновских генералов о войне 12-го года, и рассказываю, как обезумевшие от мороза и голода французы потрошили живых лошадей, бросались в костры и сталкивали друг друга в ледяную Березину, а в их спины и затылки летела русская картечь. Счастливые браки и несобранные личные жизни съеживаются в моём сознании, я снова в своей тарелке, и остаток вечера проходит искренне, любезно и благостно.

Через пять дней я наношу визит Мише и Яне. Они жили в одном общежитии, сошлись в конце третьего курса, в конце четвёртого стали снимать комнату, поженились после защиты диплома, через три месяца родственники с обеих сторон подарили им квартиру. Оба на два года младше меня. Яна на четвёртом месяце и уже сменила офисный образ жизни на домашний. Мишины глаза светятся энтузиазмом и раздувающейся гордостью. Они замечательные, они не спрашивают меня о моей личной жизни, их абсолютно не интересует моя личная жизнь, им за глаза хватает собственной. На стене над диваном висит немецкая «Молитва влюблённых», написанная от руки готическим шрифтом. На диване спит кастрированный персидский кот.

На следующий день я пью абсурдно дорогое пиво в мексиканском ресторане с Денисом и Верой. Они учились на разных факультетах, но познакомились в аспирантуре, сошлись почти сразу, поженились год спустя, потом Денису предложили работу в Nokia, он переехал в Тампере, почти каждый выходной ездил к Вере, теперь хочет забрать её к себе. Вера четыре раза в неделю ходит на курсы финского, но, по словам Дениса, говорит ещё очень мало. По-русски за весь вечер она тоже произносит не больше десяти коротких фраз. Она мило улыбается, льнёт к Денису и с самого начала смотрит на меня, как на орангутанга в зоопарке. С любопытствующей улыбкой. Которая периодически делается недоумевающей. Через некоторое количество пива причина таких улыбок проясняется. Денис – друг моего доисторического детства; мы проводили лето в одной деревне. Последний раз мы виделись больше трёх лет назад. С тех пор эпизодическая информация обо мне поступала к нему от нашего общего знакомого по имени Макс. Макс имеет талант регулярно сталкиваться со мной на улицах и в общественных местах, и каждый раз он видит меня с разными девушками. Правда, собственно с МОЕЙ девушкой он видел меня только дважды, и это была одна и та же девушка. С остальными – одной бывшей одноклассницей, двумя сотрудницами, одной девушкой друга, одной журналисткой, писавшей материал о нашей компании, и одной троюродной сестрой – я, разумеется, никогда не имел ничего более интимного, чем кофе в «Идеальной чашке». Но это не было ведомо Макс. Макс говорил мне «как дела», я отвечал «да вроде неплохо», Макс говорил «да вроде и вижу», пошло улыбался и при встрече сообщал Денису, что я, по всей видимости, прожигаю молодость в безудержном соблазнении жительниц Санкт-Петербурга.

Таким образом, понимаю я, Вера видит во мне не орангутанга в зоопарке, а коварного соблазнителя, Казанову Северной Пальмиры. Её недоумение больше не озадачивает меня. Я долго и искренне хохочу. Потом я объясняю, как оно всё есть на самом деле, но в очередной

раз убеждаюсь на собственной шкуре, что грешным значительно лучше быть, чем слыть, ибо в первом случае можно просто перестать. Тогда как переубедить кого-либо не можно никак. После окончания моей речи в защиту моего целомудрия, Денис понимающе подмигивает мне, а Вера хихикает. Они не задают мне никаких вопросов о моей личной жизни, а под конец вечера, когда я автоматически наклоняюсь, чтобы на прощание чмокнуть Веру в щёку, нетрезвый Денис говорит, Верун, будь начеку, с этим не успеешь оглянуться, как наставишь мне рога.

И они долго смеются.

Подавленный, я приезжаю домой, пью чай и испытываю грусть и родственные ей эмоции. На пике всех этих эмоций я теряю самообладание и, некрасиво приоткрыв рот от усердия, пишу на оборотной стороне счёта за междугородные переговоры:

«я весь когда-нибудь женюсь / на той, с которой ничего / мы будем вместе до конца / она поможет мне идти / она потащит на себе / она убережёт меня / от пошлой правды о себе / пока я буду умирать / беззлобный / бывший / человек / бездарный претендент на всё
она угробит свою жизнь»

На следующий вечер я возвращаюсь с работы, читаю это и меня охватывает праведный гнев.

С чего это она должна угробить свою жизнь? Чего во мне такого чудовищного? Что я, не умею глядеть обожающими глазами? Печенье не могу научиться печь? «Молитву влюблённых» на стену повесить? Собаку завести? И почему это я должен жениться на той, «с которой ничего», а не на той, с которой лучше всего на свете? Потому что я «КОГДА-НИБУДЬ женюсь»? В эпоху тотальной лысины и обрюзгшей морщинистой хари? А не сейчас? И куда это она меня потащит на себе? Это что, намёк на несчастный случай на производстве? На моём-то? И какой это пошлой правды о себе я ещё не знаю? И причём здесь моя бездарность? Какие у Миши таланты? Денис, правда, программист хороший... Но каким боком это касается продолжительного счастья в личной жизни?

Внезапно мне так сильно хочется продолжительного счастья в личной жизни, что я забываю про насущную необходимость жарить котлеты, сажусь на стол и погружаюсь в анализ. Чем все счастливые семьи похожи друг на друга? Л. Н. Толстой не удосужился вразумительно ответить на этот вопрос, в браке его больше интересовали плодovitость Наташи Ростовской, коллективные мучения и железнодорожные самоубийства, но ведь должен же быть какой-то рецепт. Который работает. Который сделает из меня счастливого супруга.

Я сравниваю Володю-Дашу, Мишу-Яну и Дениса-Веру. У них не так много общего, как может показаться на первый взгляд. Несомненное сходство прослеживается только в двух вещах: они находят друг друга привлекательными, и они учились в одном вузе.

В целях аутотренинга я выпиваю четыре бокала вина. Потом открываю записную книжку, беру трубку и набираю номер, который не набирал почти пять лет.

Рецепт не выглядит универсальным, но срабатывает наповал.

Многообразно пьяный, неадекватно счастливый и при помощи общественного транспорта, я преодолеваю расстояние от места нашей встречи до дома. Где-то под конец пути рациональное начало напоминает, что мне нечего есть на завтрак. Я всегда повинуюсь рациональному началу; я иду в ночной супермаркет, беру банку ананасов, но тут разум отказывает мне, и я двадцать минут не могу выбрать между шестью сортами бутербродных сырков. Мне хочется быть Петром Первым, мне хочется отчеканить медаль «Небываемое бывает» с силуэтами линейных фрегатов и повесить её на дремлющую толстую продавщицу в мясном отделе. Мне хочется в американский мюзикл и петь raindrops keep falling on my head, и порхать среди продовольственных товаров – без риска для жизни и под восхищённым взглядом охранника. Утром мне захочется намазать на хлеб какой-то из этих ненатуральных сырков, но как я могу решить, какой именно? Она так похорошела, она так ненаучно-фантастически похорошела, как ей идёт эта причёска, какой у неё всё-таки голос, красивей всех девяти Аве Марий и той самой

канцоны Франческо да Милано в придачу, какая она стройная и как у неё нет ни-ма-лей-ше-го намёка на второй подбородок, и даже намёка на намёк, какая у неё грудь, ну да, ну да да да, я вульгарный материалист, я знаю, я должен быть взрослей и различать в женщинах внутреннюю красоту. Так ведь я различаю. В ней. Никаких потёмкинских деревень, сплошное единство формы и содержания. Небесные черты, божество, вдохновение и три оставшихся пункта.

Теперь, когда мы больше не учимся в одной группе, мы можем по-человечески разговаривать и с наигранной мудростью оглядываться назад. Мы разговариваем и оглядываемся назад, и она улыбается, и я не знаю, где кончается её искренность и начинается желание говорить красивые фразы, и мне глубоко наплевать на это. Мне наплевать на это, потому что она говорит, что пять лет назад вела себя глупо, что всё, как всегда, могло и почти должно было быть иначе, а в ответ на моё «ты очень хорошо выглядишь» я слышу «ты тоже». Ха ха ха. Я знаю, что она патологически вежлива, что в кафе стоит выгодный полумрак и что я всё время горько улыбаюсь, но мне наплевать и на это. Рецепт работает. Прощаясь, я сжимаю её руку в литературной чёрной перчатке и целомудренно целую её в щёку, и минуту спустя я в нокауте. Я, конечно, ещё не настолько капитулировал, чтобы мечтать о загсе на Английской набережной, о гнусавом попе в Князь-Владимирском соборе, о шампанском на стрелке Васильевского, вульгарном тамаде, наказе новобрачным и других преступлениях против гуманности. Но это последний рубеж, который ещё держится, потому что после встречи с ней я уже хочу чувства долга, хохломских слоников на каминной полке, разговоров о цвете обоев, ежедневный совместный завтрак, стиральную машину и регулярно стираемое в ней одеяло в цветочек. Не одно. Десять комплектов.

Я сказал, что всегда подчиняюсь рациональному началу. Я, как вы понимаете, хвастливо солгал.

Потому что у Тани уже есть чувство долга, одеяло в цветочек, стиральная машина и муж.

Я хватаю ближайший сырок, мимолётно возвращаюсь под гнёт разума и иду к кассе.

Через три недели мы встречаемся ещё раз.

Я выбираю столик, помогаю Тане снять пальто и, к своему отчаянию, вижу, что мне не померещилось. Она действительно очень красивая. Я действительно не вызываю у неё отвращения. Мы действительно учились на одном факультете и в одной группе. На её безымянном пальце взаправду блестит омерзительное кольцо.

– Как твой рабочий день?

– Был сокращён.

– Предпразднично?

– Да. Причём нам заранее об этом ничего не сказали. Поэтому я попросила тебя встретиться пораньше. Я пришла в двенадцать, и мне говорят: «Научные залы сегодня только до 15.30».

– Что ты сейчас делаешь?

– Сейчас готовится к изданию полное собрание его писем. Мы сверяем шестнадцатый том.

– А всего их?

– По-моему, восемнадцать. Причём мы же работаем только в одну сторону, то есть только собственно тургеневские письма. Он очень любил писать письма, он всем писал. Всем, кого знал. Сегодня я смотрела позднюю переписку с Анненковым.

– О чём пишет?

– О, ты знаешь, обо всём, абсолютно обо всём на свете. О России, о Европе, о литературе, о погоде, о еврейском вопросе, о королях и капуте. Обо всём.

– Прости за нескромный вопрос... Служенье прекрасному должно, конечно, быть бескорыстным. И всё-таки. За это платят деньги?

Таня смеётся. Я смеюсь. Потом я отхожу к вешалке, вытаскиваю из кармана своей куртки книжку в фиолетовой обложке и возвращаюсь к столику. Три недели назад я сказал Тане, что нарушил наши совместные авторские права на наше совместное прошлое. Я сказал, что самовольно написал рассказ об этом прошлом, и она была польщена, и не поленилась залезть в интернет, но не для того ж я, в самом деле, писал рассказ о Тане, чтобы Таня читала его в интернете, какая тоска и дурной тон и вредно для глаз. Я писал, чтобы была одноимённая книга, которую можно вытащить из кармана куртки и как бы случайно положить на столик названием вниз, чтобы она перевернула её сама, и чтобы там были другие рассказы, и тот самый рассказ возвышался бы над ними, как Джомолунгма над уровнем Мёртвого моря. Три недели назад, преодолевая расстояние от места нашей встречи до дома, я понял, что быть знаменитым не только некрасиво и поднимает ввысь, это ещё, и прежде всего, твой тот самый рассказ в одноимённой книге, формат 84 x 108/32 гарнитура Гельветика печать офсетная усл. печ. л. 15,6, сказочный запах свежей краски и бумаги и место для высокопарного посвящения, которым ты не воспользуешься, ибо всё ясно без слов.

Я, как это ни странно, не стал знаменитым за три недели, я малодушно пошёл путём наименьшего сопротивления, уговорив одного приятеля сверстать, другого – сделать обложку, типографию – напечатать и переплести, а себя – заплатить за это.

Улыбаясь, она убирает книгу в пакет с тургеневщиной, и сегодня вечером мне совершенно искренне наплевать, сделаю ли я себе имя. Я успешно употребил по назначению всю свою писанину, мишн экамплишт, вершина творческой биографии, все пути ведут вниз, занавес. Теперь я сосредоточусь на своей настоящей жизни, изображу на лице благородную борьбу с желанием сказать глупость и скажу:

– Извини, я... Я сейчас скажу большую глупость, но я...

– Давай считать, что вступление закончено.

Я киваю.

– Если бы ты не была замужем, я бы сделал тебе предложение.

Она улыбается и через несколько секунд даёт правильный ответ:

– Я тебе не верю.

Я сказал правду, но это не та правда, которой стоит верить.

Ещё бывает правда, которой бесполезно верить:

– Я так хотела тебе нравиться, особенно раньше, я так хотела, чтобы ты заметил, какая я вся красивая, умная, талантливая.

– Я заметил. На втором курсе. Но мы были в одной группе.

– Но мы были в одной группе.

Ещё бывает правда, которая не соответствует действительности:

– Ты совсем меня не знаешь. Ты не знаешь, какая я плохая. Я такая... обыкновенная. Я люблю одеяла в цветочек. И чайные сервизы. Тебе не нужна такая я. Поэтому я боялась тебя. Я боялась, если у нас что-нибудь получится, это будет совсем недолго, а потом ты уйдёшь и бросишь меня, как... Как цветок, прости за пошлость.

– Тебя можно бросить?.. – непроизвольно вырывается у меня.

Да, и ещё есть жизнь, которую кто-то путает с литературой. В которой девушка может сказать «но это полотно нам с тобой не суждено создать». В которой я не очень верю в то, что я чувствую, потому что не понимаю, где эта жизнь кончается и где начинается тургеневская «Ася», мертворожденная любовь ради засохших цветков гераниума и сентиментального старческого брожания.

Преодолевая расстояние от места нашей второй встречи до дома, я не могу заставить себя грустить. Грусть о потерянной женщине – слишком аристократическое чувство, пир во время чумы, декоративная вершина пирамиды, сложенной из молодости, здоровья, денег и определённого места жительства. Я могу позволить себе страдать от любви, но я слишком хорошо

знаю, благодаря чему я могу это себе позволить, и никакие страдания мне не удаются. Я чувствую опустошённость, я прихожу домой, я беру из коробки книжку в фиолетовой обложке и вижу ясней, чем обычно: на дне каждого рассказа о любви покоится тургеневская «Ася», глянцева тоска от секса с кем-то не тем и от некупленных одеял в цветочек. Я в курсе, что отныне и надолго Тургенев мне как родной, что я, скорее всего, завтра же куплю его биографию, а летом поеду в Спасское-Лутовиново и, если хватит денег, – в Париж. Но при этом я хотел бы жить, включая секс с кем надо и эти навязшие в зубах одеяла. Я вовсе не хочу больше писать «Асю».

Таня, я больше не хочу писать «Асю».

2004

Жизнь прекрасна

У меня нет и никогда не было благородной цели. В жизни. Я живу, чтобы было хорошо. Мне и в непосредственной близости. Напиваюсь, когда не получается. Но обычно получается. У вас не получается? У меня получается. До сих пор. С тех самых пор.

Когда я понял, что жизнь прекрасна, мне было тридцать лет. До тридцати лет «жизнь прекрасна» стояло в одном ряду с «врать нехорошо», «алкоголь вреден», «начинай утро с зарядки» и «делай влажную уборку как минимум раз в неделю». Ещё одна истина, которая не имеет к тебе никакого отношения. То есть ты, в принципе, со всем согласен. Только изо дня в день врёшь, пьёшь, никогда не делаешь зарядку, убираешь квартиру раз в год. А жизнь представляется вязким отстоем с просветами.

Пункт с квартирой, впрочем, на меня не распространялся. У меня была Оля, жена. Раз в неделю я подметал, а затем она мыла. В квартире стояла свежесть. Славка, ребёнок, рос в здоровой обстановке. А я был менеджером. Более того, я отвечал за весь Северо-Западный регион. Я летал в командировки и даже в Москву. В Москве были самые большие начальники и периодически открывалась вакансия. Я мечтал о ней. Полуофициальные встречи с важными клиентами из провинций я проводил в ресторане Mama Roma. С важными клиентами из СПб я придерживался официальной линии. Жал руку крепко, но сухо. Смеялся тоже сухо, в основном глазами. На пятой минуте слегка ослаблял узел галстука. Профессионально, но коротко вдавался в избранные детали. Оля была программистом. Работала, как правило, дома. Она была симпатичной маленькой женщиной. Славка был симпатичным маленьким занудой. Яблоко от обеих яблонь. Сейчас он на втором курсе. Будущий юрист. Я вижу его три-четыре раза в год.

Квартира, как я уже сказал, была вечно свежая, но не наша. Мы её снимали. Недорого. Я копил на нечто большое и хорошее, но думал о Москве. Москва вызывала у меня щенячий восторг и слюноотделение. Оля не хотела в Москву, но пассивно. Я проводил разъяснительную работу.

Пил я с корпоративными друзьями; врал начальству, клиентам, Оле и самому себе; зарядку делал раз в квартал.

День рождения у меня в начале сентября, пятого. Исполнялось мне, как я уже сказал, тридцать. Тридцать лет – это, несомненно, дата. Сначала ты года три выслушиваешь «тебе уже скоро тридцать, а ты всё...» Потом тебе говорят «тебе уже тридцать, а ты всё...» Потом – не скрывая жалости – «тебе уже (давно) за тридцать, а ты так и не...» Водораздел и лакмусовая бумажка. Поэтому Славку отправили к бабушке, ресторан был просторный, в историческом пригороде, собралось человек пятьдесят, и на протяжении целого вечера все говорили «Тебе всего лишь тридцать, а ты уже!..» И все дарили подарки со значением. Даже Филин, мой некорпоративный друг, подарил мне бинокль и сказал, чтобы лучше видеть долгосрочные перспективы! Он полгода выбирал мне подарок. Бинокль купил в последнюю минуту, от отчаяния, а про перспективы придумала его жена.

Потом собравшиеся напились и сдержанно дебоширили. Филин разбил окно, его брат нашёл себе жену среди Олиных подруг, мой начальник врезался в Египетские ворота, я исполнил песню «Гудбай Америка». Подарки доставили нам в квартиру утром, специальным микроавтобусом. Мы с Олей их снова приняли, очнулись и стали разбирать. С чувством, толком, расстановкой. В конце концов Оле больше всего понравились безумные ходики, которые преподнесла наш финансовый директор, с фигой вместо кукушки и какими-то пошлыми фигурками вместо гирек. А мне больше всего понравился бинокль.

Бинокль был маленький, складной, похожий на театральный, но посерьёзней на вид и посильнее. В гладком чёрном футляре. Его можно было прикреплять к ремню, как мобильный телефон. Эта деталь покорила меня окончательно. Тем более, что мобильник я всегда тас-

кал в кармане брюк. На ремень вполне можно было что-нибудь повесить, не привлекая лишнего внимания. И я стал ходить с биноклем на ремне. Футляр был такой простой прямоугольной коробочкой. Важные клиенты из СПб и самые большие московские начальники не догадывались, что у меня на ремне бинокль. Когда я рассказал Филину, он был жутко рад, просто сиял весь.

Хотя собственно смотрел в бинокль я не то чтобы часто. Иногда в окно офиса, на деревья и виднеющийся вдали город; иногда в окно нашей кухни, на пустырь и проспект с домами напротив. Вот разве что в октябре тогда мне дали неделю отпуска, и мы всей семьёй слетали в Грецию на пять дней. Вот там я на всё смотрел без конца, а Славка постоянно у меня кланчил бинокль. Даже Оля прониклась. Разглядывала с балкона яхты в заливе. Есть что-то в биноклях такое. Какое-то простенькое детское волшебство.

А в ноябре Оля как-то потащила меня в филармонию, в Большой зал. У неё одна из бабушек была скрипачкой. Точнее, виолончелисткой, как я сейчас понимаю. Когда вспоминаю фотографию в прихожей у Олиных родителей. В детстве Олю пытались научить играть на скрипке. Она три года проходила в музыкальную школу. Занималась в бабушкиной квартире, в большой комнате. Бабушка сосредоточенно слушала и иногда кивала. Пока в один прекрасный день не встала с дивана и сказала, Ольга, девочка моя, теперь я убедилась. Ты совершенно не способна играть на скрипке. Дай сюда инструмент.

Скрипку продали, в общем. От музыкального детства у Оли остался только зуд своеобразный. Который возникал, если она в течение полугода ни разу не ходила в филармонию тире Мариинский театр тире другой эквивалент. В апреле в том году мы ходили на «Кармен». Это единственная опера, на которой я не заснул, кстати. Я вообще на опере значительно хуже засыпал, чем в филармонии. Классическое пение всегда имело на меня какое-то беспокоящее воздействие. Оно как будто изнутри иногда звучит. Под такое не сразу заснёшь. Но когда не поют – это совсем другое дело. Отключаешься мгновенно, особенно если просто на рояле играют. Или какой-нибудь скрипичный квартет. Мы с Олей когда познакомились, она уже через месяц отвела меня на заезжую южнокорейскую пианистку. Та играла что-то из двадцати четырёх частей. Пятница, конец рабочего дня. Я моментально уткнулся подбородком в грудь, и очки сползли. Первые два года Оля меня пихала локтем в бок, стеснялась. Но я натренировался. Стал спать с головой всего лишь чуть-чуть набок и полуприкрытыми глазами, как бы от наслаждения.

В тот день был Чайковский, я точно запомнил. Рояль с оркестром. Только в программке была опечатка: «для струнного оркстра». Мне это очень понравилось. Оркстр. Чешское такое слово. Прст. Я в Чехословакии жил до семи лет, папа был военный. Он иногда учил чешский, чтоб не пить.

Места у нас были на балконе, почти над самым оркестром. Мы опоздали минут на десять, как всегда. Из-за меня, разумеется. Когда сели, я сразу положил руки на колени, расслабился, веки стали смыкаться. Днём было четыре встречи, одна другой противней. На последней вообще разрыв контракта. Но тут я вспомнил про бинокль. Я сразу оживился, достал его из футляра, протёр носовым платком, снял очки, пододвинул стул ближе к перилам и начал разглядывать оркестр. Оля зашипела, зашикала, дёрнула за рукав, но я просто отмахнулся. Сказал, радуйся, что не сплю ещё. Внимаю прекрасному.

Как только я начал смотреть, я сразу же понял, что для моего бинокля настал звёздный час. Я вообще всегда любил людей разглядывать, а музыканты такие смешные, когда играют. А ты смотришь на них, на их лица, близко-близко. Дирижёр был француз, кажется; с круглой блестящей лысиной и вьющимися седыми локонами по сторонам. Он мотал головой и подпрыгивал в особо переломных моментах. Но он как раз был мне не очень интересен. Типичный такой безумный дирижёр, можно просто брать и снимать голливудскую кинокомедию «Безумный дирижёр». Или «Внучка дирижёра». Чтобы в начале он ненавидел всё, что напи-

сано после 1900-го года, а потом у него откуда ни возьмись объявляется внучка, вся патлатая, с кольцом в губе, любит группу The Calling, скажем, и прочий американский репертуар радио «Максимум», ненавидит классику, жуёт бубль-гум и рыгает на концерте Шуберта, а потом они понимают друг друга и обогащают друг друга внутренние миры, и в конце группа The Calling обязательно бацает Сороковую симфонию в сопровождении струнного оркстра и с записками, дедушка самозабвенно дирижирует, внучка плачет в первом ряду, весь зал забит панками и рэпперами, и саундтрек к этой лабуде в течение трёх недель на первом месте в Биллборде, а миллионы американских тинэйджеров целый месяц ходят в футболках Schubert Rocks! и Mozart In Da House.

То есть, ассоциаций много, но разглядывать неинтересно. Поэтому я стал смотреть на самих музыкантов. Самой крайней скрипачке было лет тридцать пять. У неё была пышная причёска, сосредоточенный взгляд и плохо припудренный фонарь под левым глазом. Я подкрутил резкость. Действительно, фонарь. Я даже цокнул языком. Это была тема для совсем другого фильма. Российского. Невесёлого. О душе. В начале она девочка, интеллигентная семья, в идеале вообще прямые потомки Глинки или Мусоргского, она учится играть, лауреатка все-союзных конкурсов, весьма симпатичная при этом, заканчивает консерваторию, но тут начинаются мрачные девяностые, её в духе времени насилуют в парадной, нервный срыв, на несколько лет выпала из оборота, живёт с родителями, перебивается уроками, папа одного из учеников – обеспеченный импозантный мужчина, его жена умерла, красивый роман, брак, в её душе ожила музыка, но вдруг она начинает подозревать страшное, муж – криминальный авторитет, душегубец и подпольный олигарх, откровенный разговор, он кричит, брызжет слюной и бьёт её по лицу, её любимый композитор – Чайковский, она играет и растворяется в музыке, флэшбэк в детство, как всё прекрасно начиналось, она хочет уйти от мужа, он угрожает физической расправой, она в отчаянии, так жить нельзя, она выходит на враждебного мужу криминального авторитета, хладнокровно просит об убийстве, тот саркастичен и напоминает Воланда, она отдаётся ему, через три дня она возвращается домой с концерта, муж лежит на полу кухни с аккуратной дырочкой в затылке, звучит Чайковский, на её лице смертельная усталость, флэшбэк в детство, о где же ты, былая невинность и чистота души, мир пуст и сумрачен, жизнь – дорога в никуда, и называется всё это как-нибудь музыкально, «Побочная тема», внеконкурсный показ на Каннском фестивале и приз зрительских симпатий на Берлинском.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.